

МАЙОР, Я ВИДЕЛА СЛИШКОМ МНОГО

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬИЕВ

Александр Витальев

Майор, я видела слишком много

«Автор»

2026

Витальев А.

Майор, я видела слишком много / А. Витальев — «Автор»,
2026

Ночью я вытащила из чужой отчетности выплату мертвому чиновнику и забыла выключить свет. На следующее утро в кабинете уже сидел майор Артем Зорин и ждал, пока я сознаюсь, кому переводила деньги. Удаленный сервер, раненый водитель у моей двери и собственный список вопросов, который я никому не собираюсь отдавать. Под охраной ведомственного общежития я снова и снова восстанавливаю платежи по памяти, а он смотрит на меня так, будто я одновременно его главный свидетель и его слабое место. Чем ближе мы подбираемся к настоящему заказчику, тем опаснее признать, что недоверие между нами давно перестало быть служебным. Цена ошибки - не карьера. Цена ошибки - человек, которому я больше не имею права верить, и единственный мужчина, которому мне хочется верить.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишняя строка в балансе	5
Глава 2. Флешка из сейфа	12
Глава 3. Майор экономического отдела	18
Глава 4. Свидетель под охраной	27
Глава 5. Чужая квартира	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Витальев

Майор, я видела слишком много

Глава 1. Лишняя строка в балансе

К ночи опенспейс Меркурий-Групп вымер. Я слышала, как гудит вентиляция под потолком, как тихо щелкает вывеска «аварийный выход» над стеклянной дверью в конце ряда. На столе лежали три стопки бумаг, калькулятор, моя пластиковая карта-пропуск на шнурке и чашка с остывшим кофе. Я задержалась сверять банковские выписки с актами за третий квартал, потому что Раиса Карташова попросила закрыть отчет до утра, а я привыкла доводить цифры до конца.

Я выводила сверку построчно и остановилась на переводе в 1,2 миллиона рублей. Получатель значился как Г. И. Чурсин, бывший начальник отдела капитального строительства городской администрации. Я помнила это имя, потому что три года назад читала некролог в служебной рассылке. Я перепроверила реквизиты, сверила с платежным поручением, потом снова с выпиской. Цифра не двигалась, фамилия не менялась, дата перевода стояла вчерашняя.

Я открыла служебную базу и убедилась, что Чурсин действительно числится умершим. Свидетельство, номер, дата. Тогда я медленно положила карандаш, выдохнула через нос и почувствовала, как холодеют пальцы. Либо кто-то платит мертвецу подставному, либо кто-то платит живому под фамилией мертвого. Оба варианта означали, что в холдинге сидит живая схема откатов, а я в эту минуту сижу над ней одна в пустом опенспейсе, где из живых только охранник на первом этаже и я.

Я сделала то, чему меня учили на экспертизе: сняла скан платежки на служебный ноутбук, сохранила выписку, продублировала файл на внешний диск и спрятала диск в боковой карман сумки. Бумажный экземпляр я сфотографировала телефоном, положила в папку и закрыла папку. Свет от настольной лампы лежал на столе ровным желтым пятном. Руки у меня были спокойные, только пульс стучал в висках.

Я встала, подошла к окну и проверила стоянку. На ней стояла одна машина, черная, с тонированными стеклами, прижатая к бордюру у третьего столба. Я не знала, чья она, и это мне не понравилось. Я вернулась к столу, открыла рабочую тетрадь и начала писать вопросы: кто имеет доступ к реквизитам Чурсина, когда выписка ушла в банк, кому выгодно сохранить фамилию мертвого чиновника. Тетрадь я завела давно, держу всегда при себе, никому не отдаю.

— Лидия Сергеевна, вы еще здесь?

Голос раздался от лифта. Охранник Сергей, сменный, с обходным листом в руке. Я привычно улыбнулась ему, ответила, что заканчиваю, сейчас уйду. Он кивнул, записал время в журнал и пошел дальше по коридору. Я снова посмотрела на черную машину через стекло. Машина коротко мигнула фарами и медленно выехала со стоянки в сторону шоссе.

Я быстро собрала сумку, выключила ноутбук, прошла мимо серверной и машинально глянула на дверь. Замок стоял в режиме охраны, индикатор мигал зеленым. Ключ-карта от этой двери висела у меня на шнурке вместе с пропуском, потому что я имела доступ к серверной по прежней экспертизе. Я вспомнила об этом, и по спине прошел холод. Если кто-то захочет повесить на меня ночной визит в серверную, у него уже есть и карта, и время, и моя смена в журнале.

Я нажала кнопку вызова лифта и тут же услышала, как за моей спиной открылась дверь кабинета Раисы Карташовой. Начальница вышла в пальто, том самом, сером, с большим мяг-

ким воротником. Я знала это пальто, потому что однажды в гардеробе перепутала его со своим, у нас похожий фасон.

— Ты поздно, — сказала Раиса, не поздоровавшись. — Распечатку за третий квартал я забираю утром сама.

— Распечатка готова, — ответила я. — Я положила ее в папку на твой стол.

Раиса посмотрела на меня внимательно, задержала взгляд на моей сумке, на кармане, где лежал диск, и кивнула.

— Уезжай. Завтра будет тяжелый день.

Лифт пришел, я зашла, двери закрылись. Я смотрела на собственное отражение в зеркальной стенке кабины и думала о том, что в отчете за третий квартал лежит мертвая фамилия, а в кармане у меня лежит диск, на котором эта фамилия живая. Я еще не знала, что утром в мой кабинет придет майор Артем Зорин и положит передо мной копию моей же распечатки, и что от этого дня назад уже не вернуться.

Лифт спустился на первый этаж. Я вышла на пустую улицу, застегнула сумку и пошла к метро, а в голове у меня стучала одна и та же короткая мысль: кто-то в этом здании сегодня знает, что я видела слишком много.

Я не помню, как дошла до метро. Шла через мокрый асфальт, каблучки стучали по лужам, и где-то между третьим и четвертым перекрестком я поняла, что не дышу нормально уже минут десять. Сумку прижимала к себе локтем, потому что в боковом кармане лежал диск с фамилией мертвеца, и рука сама легла на этот карман, проверяя, не вытащил ли кто.

В вагоне было пусто, только двое парней с гитарой у двери и бабушка с авоськой. Я села на край сиденья и открыла телефон. Набрала начальника — короткие гудки, без ответа. Набрала бывшего мужа — сеть занята. Я посмотрела на экран, потом на собственное отражение в темном окне вагона. Отражение показало мне мои же глаза: уставшие, с красными белками, с тем выражением, которое появляется у людей, увидевших в документах не цифру, а фамилию.

Дома я сразу прошла в кухню, поставила чайник, не включила свет. Тетрадь выложила на стол, раскрыла на чистой странице и начала записывать вопросы, как на экспертизе. Кто имел доступ к реквизитам Чурсина. Когда выписка ушла в банк. Кому выгодно сохранить фамилию мертвого чиновника в платежке. Я писала быстро, буквы ложились мелко, ровно, потому что меня так учили: в рабочей тетради не должно быть помарок, даже если руки трясутся.

Чайник закипел. Я залила пакетик, подождала тридцать секунд, слила, налила снова. Это моя привычка, выученная за годы сверок: горячая вода смывает с заварки горечь, и вкус у чая становится мягче. Я сидела над тетрадью и смотрела, как пар поднимается над кружкой. Утром Раиса закроет отчет и увидит мою распечатку. Увидит фамилию Чурсина. И либо промолчит, потому что знает, либо спросит, потому что не знает, и по этому вопросу я пойму, на чьей она стороне.

В десять вечера позвонили в домофон. Я вздрогнула так, что кружка поехала по столу. Подошла, посмотрела на камеру. У подъезда стоял Андрей Кравцов, бывший водитель холдинга, в куртке, которую я помнила по корпоративам. Он стоял не прямо, а полубоком, прижимая к боку руку, и даже через плохую камеру было видно, что лицо у него мокрое и не от дождя. Я открыла.

Он поднялся на третий этаж сам, медленно, держась за перила. На пороге качнулся, я успела подхватить его под локоть. Кровь шла из-под расстегнутого рукава, темная, густая, и я сразу поняла, что это ножевое, потому что рана была узкая и длинная. Я молча стянула с дивана плед, усадила его, потом пошла в ванную за аптечкой. Руки работали быстрее головы.

— Лида, — сказал он тихо, — не надо в больницу. Они увидят, начнут писать, всплывет. Я промокнула рану бинтом, прижала.

— Кто?

— Те, кто платит Чурсину, — он сглотнул, — меня послали тебя предупредить, а потом передумали.

Я посмотрела ему в лицо. Он не врал. Я знала его восемь лет, он не умел врать, поэтому его и держали на побегушках, пока не подставили.

— Говори адрес, куда ты сейчас пойдешь, — сказала я.

Он назвал адрес сестры в Кузьминках. Я записала в тетрадь, не в телефон, потому что телефон могут поднять. Потом помогла ему встать, набросила ему на плечи свою куртку, потому что его куртка уже ни на что не годилась.

— Если до утра не объявишься сестре, я сама приеду, — сказала я ему вслед.

Дверь закрылась. Я постояла в прихожей, посмотрела на пятна крови на светлом пледе и поняла, что выбросить его уже нельзя. Плед теперь улика. Я аккуратно завернула его в пакет, пакет спрятала в нижний ящик комода, под зимние свитера. Записала время звонка в домофоне, время ухода Андрея, описание раны в тетрадь. Тетрадь положила в сумку, сумку прижала к себе и пошла в спальню.

Я не спала. Лежала в темноте, слушала, как за стеной у соседей капает кран, и думала о том, что теперь у меня в сумке лежит диск, в ящике комода лежит плед с чужой кровью, а в рабочей тетради четыре страницы вопросов, на которые завтра мне придется отвечать не Раисе и не бывшему мужу, а человеку, у которого на столе уже лежит копия моей же распечатки. Я закрыла глаза и почти заснула, но где-то в четыре утра за окном коротко мигнули фары и тут же погасли. Я подождала десять минут. Машина не уезжала.

В шесть тридцать я встала, приняла душ, надела серый пиджак и закрытое горло, потому что серьезные разговоры лучше начинать в том, в чем тебя сложнее всего сбить с толку. Кофе я варить не стала. Просто застегнула сумку, погладила ладонью боковой карман с диском и поехала в офис, чтобы до прихода Раисы успеть положить на стол следователю то, что он точно не ожидал увидеть: полный рабочий список платежей за третий квартал и короткую записку от руки — «сверка закрыта, остаток на моем рабочем ноутбуке, пароль сообщу лично». Я еще не знала, что эта записка ляжет на стол рядом с его копией, и что с этой минуты для майора Зорина я перестану быть просто бухгалтером, сверяющим чужие цифры.

Майор ждал меня в коридоре, а не в кабинете. Стоял у окна, руки в карманах серого пиджака, и смотрел во двор, как будто там происходило что-то важнее меня. Я остановилась в трех шагах, сумку прижала к боку. Он повернулся медленно, оглядел меня так, будто снимал показания: пиджак, закрытое горло, пакет под мышкой.

— Лидия Андреевна, — сказал он. Голос ровный, без нажима. — Пройдемте.

В кабинете пахло остывшим кофе и бумагой. На столе лежала моя распечатка, та самая, с фамилией Чурсина, но не оригинал, а копия с моей же подписью внизу. Я не помнила, когда успела расписаться. Значит, он вытащил ее из папки вчера вечером, когда меня уже не было. Он заметил мой взгляд, кивнул на стул.

— Садитесь.

Я села, сумку положила на колени, не отпуская ремешок. Он сел напротив, положил ладони на стол, как на протокол.

— Расскажите, что вы нашли в акте сверки за третий квартал.

Я выдержала паузу. В голове стучало: он знает про Чурсина, он знает, что я нашла выплату, и он не знает, что у меня в сумке лежит диск и плед с чужой кровью в нижнем ящике комода. Это мой запас, и я им не поделюсь, пока не пойму, на чьей он стороне.

— Выплату на имя Чурсина, — сказала я. — Он формально умер три года назад.

Зорин смотрел на меня так, будто я подтвердила его худшее подозрение и одновременно дала ему новое. Пальцы на столе не шевельнулись.

— Вы понимаете, что это значит для вас, — сказал он.

— Понимаю, — ответила я. — Это значит, что я больше не свидетель сверки. Я теперь свидетель по делу, которое кто-то зачистил.

Он чуть прищурился. Я впервые видела, как он обрабатывает информацию: не удивление, не радость, а короткий внутренний расчет, кому это выгодно и кто первый доложит начальству.

— Кто еще видел эту распечатку? — спросил он.

Я вспомнила ночь, пустой офис, Раису, которая закрыла дверь на ключ в полночь. Решила пока не отдавать ей этот козырь.

— Кроме меня, пока никто, — сказала я. — Если только охранник на проходной.

— Охранник уже дал показания, — ответил он ровно. — Он видел, как вы вошли в серверную около часа ночи.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, и тут же вернулась. Меня подставили. Кто-то вошел в серверную по моей карте, пока я сидела над распечатками наверху. Я открыла рот, но он поднял ладонь.

— Не сейчас, — сказал он. — Сначала про Чурсина. Где оригинал выписки.

Я положила ладонь на боковой карман сумки. Он заметил. Я заметила, что он заметил. Между нами на столе лежала моя же бумага, и теперь мы оба знали, что у меня в сумке есть что-то, чего у него нет.

— Оригинал у меня, — сказала я. — Я могу отдать его под расписку, но только после того, как вы объясните, откуда у вас копия.

Он откинулся на спинку стула. Я впервые увидела у него на лице что-то, кроме протокола. Не злость, не уважение, а усталое раздражение человека, который привык получать документы по первому требованию, а тут сидит женщина с сумкой на коленях и не отдает.

— Лидия Андреевна, — сказал он тише, — вы сейчас находитесь в положении подозреваемой. У меня есть запись камеры и показания охранника. Я могу оформить изъятие.

— Можете, — согласилась я. — Только изымать будете не оригинал, а диск, на котором эта схема собрана по памяти. Потому что сервер с квартальными платежами кто-то вывез вчера ночью.

Он замер. Это было видно по тому, как остановились его пальцы на столе.

— Откуда вы знаете про сервер? — спросил он.

— Я судебный бухгалтер, — сказала я. — Я знаю, что такое акт изъятия и что его нельзя провести без следа в журнале охраны. Журнал охраны за вчерашнюю ночь покажет, кто выводил оборудование. И это буду не я.

Он смотрел на меня еще несколько секунд, потом отодвинул копию моей распечатки на край стола, как карту, которую больше не хочет прятать.

— Я выпишу вам пропуск в ведомственное общежитие, — сказал он. — Это не арест, это защита свидетеля.

— Я не просила защиты, — ответила я.

— Я знаю, — сказал он. — Именно поэтому предлагаю.

Мы смотрели друг на друга через стол, заваленный бумагами, и я впервые подумала, что этот человек, может быть, и не враг. Может быть, он просто другой человек, у которого на столе лежит моя же фамилия, и теперь мы оба решаем, что с ней делать.

Я встала, прижала сумку к боку, застегнула пиджак.

— Пропуск я возьму, — сказала я. — Но диск отдам только после того, как увижу постановление о защите свидетеля с подписью прокурора.

Он кивнул. Я вышла в коридор, и дверь за мной закрылась с тем мягким щелчком, с каким закрываются двери, за которыми начинается чужая игра, в которую меня только что пригласили.

Коридор после его кабинета показался длиннее, чем был утром. Я шла, не ускоряя шага, держала сумку так, чтобы ремешок не сползал с плеча, и считала двери. Раз, два, три, четыре,

пять. На пятой остановилась, потому что ноги отказались идти дальше. Я прислонилась к стене, закрыла глаза, дала себе ровно три вдоха. Не потому что мне стало плохо, а потому что я хотела запомнить это ощущение: я только что впервые в жизни вышла из кабинета следователя не как бухгалтер, а как человек, у которого на руках чужие деньги и своя фамилия в деле.

В сумке лежал диск. В кармане пиджака — ключ-карта от офиса, которую я забыла сдать, когда уходила. На ключе стояла моя фамилия, и эта фамилия теперь была вписана в журнал ночного вывоза сервера, хотя я в ту ночь сидела за столом и считала выписки. Кто-то сделал это за меня. Кто-то знал, что я буду здесь в это время, и заранее подобрал момент, чтобы моя карта открыла чужую дверь.

Я достала телефон. Мой личный изъяли вчера вместе с пледом, потому что это был уже не плед, а вещественное доказательство, и я подписала протокол. В руке у меня был служебный, который мне выдали утром на проходной вместе с пропуском в общежитие. Три незнакомых номера, один из них — Ольги Минц, моего адвоката. Я набрала ее, не убирая сумку из-под локтя.

— Лида, — сказала она вместо приветствия, и по голосу я поняла, что она уже знает больше, чем мне рассказали. — Ты где?

— В коридоре следственного отдела, — сказала я. — Мне предлагают защиту свидетеля.

— Не соглашайся без меня, — быстро ответила она. — Я еду, буду через двадцать минут. Ничего не подписывай.

— Я и не собиралась, — сказала я. — Но у них есть запись камеры и показания охранника. Меня видно в серверной.

— Видно в пальто, — поправила она. — Я уже запросила описание. Лида, слушай меня внимательно. Пальто — это еще не ты. У тебя на работе есть кто-то того же роста в похожем пальто?

Я закрыла глаза. Раиса. Раиса Карташова, начальник отдела внутреннего аудита. Того же роста, в пальто, которое мы покупали вместе в прошлом ноябре, потому что она увидела мое и сказала: «Такое же, но серое, под деловой костюм». Серое. На камере будет видно, что пальто серое. Мое — черное.

— Раиса, — сказала я. — У нее такое же пальто, только серое.

— Записываю, — ответила Ольга. — Сиди в коридоре, никуда не уходи. К тебе никто не должен зайти без меня.

Я повесила трубку и спустилась на первый этаж, в комнату ожидания. Там стоял диван с прожженной сигареткой на подлокотнике, стол с треснувшим стеклом и кулер, который булькал так, будто внутри кто-то разговаривал. Я села на край дивана, положила сумку рядом, прижала к ней колени. В голове шла ровная работа: я раскладывала факты по полочкам, как всегда делала на сверке. Факт первый: Чурсин мертв, выплата ему жива. Факт второй: сервер вывезли ночью, журнал охраны это зафиксировал. Факт третий: в серверную вошли по моей карте, но в пальто, которое мне не принадлежит. Факт четвертый: Раиса в ту ночь закрыла дверь на ключ в полночь, а охранник утверждает, что видел меня в час. Либо охранник врет, либо Раиса вышла после полуночи.

Я посмотрела на часы. Ольга обещала двадцать минут. У меня было двадцать минут, чтобы решить, говорить ли ей про диск. Диск был моей страховкой: на нем лежала полная схема платежей, которую я собрала по памяти за ночь. Без диска я была подозреваемой с пустыми руками. С диском — свидетелем, у которого есть что отдать.

В дверь постучали. Я подняла голову и увидела Тимура Горелова, стажера из группы Зорина. Он стоял на пороге, в руках держал тонкую папку, глаза бежали, как у человека, которому велели передать что-то важное, но не сказали зачем.

— Лидия Андреевна, — сказал он, и голос у него был выше, чем у Зорина, почти мальчишеский. — Майор просил передать вам постановление о защите свидетеля. Проект, на согласование. Он сказал, что вы захотите прочитать.

Я взяла папку, раскрыла. Три страницы, гербовая бумага, подпись прокурора отсутствовала. Тимур мялся у двери, не уходил.

— Еще что-то? — спросила я.

— Майор просил уточнить, — ответил он, — согласны ли вы переехать в общежитие сегодня или завтра.

— Завтра, — сказала я. — Мне нужно собрать вещи.

Тимур кивнул и ушел так быстро, словно боялся, что я его остановлю и спрошу что-нибудь, на что у него нет ответа. Я закрыла папку, положила ее в сумку, рядом с диском. Теперь у меня было два документа: один, который я могу показать, и другой, который я никому не покажу. Так я работала всю жизнь: держала в руках два конца одной нити и никогда не отдавала оба сразу.

Я открыла сумку. Диск лежал в боковом кармане, завернутый в салфетку из кафе напротив офиса, где я вчера пила капучино, не зная, что через час меня будут называть ключом к чужому серверу. Рядом лежал блокнот — мой, рабочий, в клетку, с закладкой из аптечной резинки. Я вытащила его, положила на колени, открыла на чистой странице. Ручка нашлась в кармане пиджака, та же, которой я ночью выписывала платежи по памяти. Я начала писать.

«Кто имеет копию ключ-карты». «Кто мог вынести сервер за один час». «Кто мог надеть серое пальто». «Кто выключил камеры в 00:47». Вопросы шли ровно, как строки в акте сверки, и от этого становилось чуть легче: я снова была в своей работе, а не в чужой операции.

Дверь в комнату ожидания открылась без стука. Вошел Зорин, без папки, без блокнота, в расстегнутом пиджаке, и от этого выглядел не строже, а устале. Он остановился у кулера, налил себе воды в бумажный стаканчик, выпил половину одним глотком, посмотрел на меня поверх стакана.

— Лидия Андреевна, — сказал он, и голос у него был ниже, чем в кабинете, без следовательской нажимки. — Я не задержу. Вы получили проект постановления.

— Получила, — ответила я, не убирая блокнот. — Без подписи прокурора.

— Подпись будет к вечеру, — сказал он. — Я хочу спросить без протокола. Вы готовы переехать сегодня?

Я подняла голову. В его глазах не было давления, только та усталая прямота, которая появляется у людей, когда они слишком долго играют роль и временно забывают надеть ее обратно.

— Зачем вам торопиться, майор? — спросила я. — Я и так не уеду из города.

— Не из города, — ответил он. — Из квартиры. У подъезда вчера нашли человека с ножевым. Он ваш сосед?

— Бывший водитель холдинга, — сказала я, и сама удивилась, как ровно прозвучал голос. — Андрей Кравцов. Он не мой сосед. Он приходил ко мне.

Зорин поставил стаканчик на стол, медленно, аккуратно, как будто стаканчик мог стать уликой.

— Зачем? — спросил он.

Я помолчала. В блокноте на коленях строчка осталась незаконченной. Ручка лежала в пальцах, и я чувствовала, как палец слегка дрожит, и это бесило больше всего остального.

— Он хотел предупредить, — сказала я. — Что меня могут сделать крайней.

— Кто «мог»?

— Тот, кто вывез сервер, — ответила я. — Тот, кто надел серое пальто. Тот, кто знал, что я в ту ночь сижу за сверкой.

Зорин сел на стул напротив, не на диван, от этого между нами остался стол с треснутым стеклом, и это было правильно. Он смотрел на меня, и я впервые видела его не из-за его стола, а напротив, и от этого его лицо стало проще, человечнее, и одновременно страшнее, потому что на человеческом лице легче прочесть сомнение.

— Лидия Андреевна, — сказал он тихо. — Если вы знаете больше, чем сказали утром, скажите сейчас. Мне проще будет вас защитить.

— Мне проще будет себя защитить, — ответила я, — если вы перестанете говорить мне «вас защитить». Я взрослый человек, майор. Я не вещь, которую надо укрыть одеялом.

Он усмехнулся одним уголком рта, коротко, почти незаметно.

— Договорились, — сказал он. — Тогда давайте так: что вы хотите взамен на полную информацию.

— Перевод в другой город не подпишу, — сказала я. — Перевод в ведомственное общежитие подпишу. Перевод на любой режим подпишу. Не подпишу одного: я не буду сидеть в чужой комнате и ждать, пока вы решите, кому отдавать мою фамилию.

Он смотрел на меня долго, секунд десять, я считала, потому что считать умела. Потом кивнул.

— Переезд завтра к семи, — сказал он. — Я пришлю машину. Вещей много?

— Один чемодан, — ответила я. — И рабочая тетрадь.

— Тетрадь останется при вас, — сказал он, вставая. — Это не обсуждается.

Он вышел, и дверь закрылась, и я осталась одна с блокнотом, диском и чужим проектом постановления в сумке. Кулер булькнул особенно громко, и я машинально отметила: труба в нем сидит криво, вода идет рывками, фильтр меняли в последний раз, судя по желтому ободку, месяца три назад. Мозг считал то, что умел считать, чтобы не думать о том, что не умел.

Я дописала строку в блокноте, перечитала список вопросов и на полях аккуратно приписала: «Зорин. Не враг. Не друг. Пока». Закрыла тетрадь, положила в сумку поверх папки с проектом, застегнула молнию. За окном в коридоре кто-то прошел мимо, быстрый стук каблуков и шорох бумаги. Я встала, подобрала сумку и пошла к выходу, потому что через пять минут должна была приехать Ольга, а до ее прихода мне нужно было позвонить бывшему мужу еще раз. Не для того, чтобы услышать голос, а для того, чтобы проверить, возьмет ли он трубку до того, как Ольга встанет между мной и этим отделом.

Глава 2. Флешка из сейфа

Я сползла с продавленного офисного кресла в пять утра и пошла не к лифту, а к серверной. Мне нужен был ключ, мой собственный, с биркой, потому что охранник на проходной считал меня вчерашней гостьей и не хотел пускать в собственный кабинет. В кармане пальто позвякивала связка. На бирке от руки было выведено мое имя, и это была единственная бумажка в моей жизни, которую никто не мог оспорить.

В коридоре пахло остывшим кофе и бумагой. Свет горел через один, и лампы моргали, как будто сами извинялись за происходящее. Я достала телефон, посмотрела на время и убрала обратно. Зорин сказал быть в восемь, я пришла в пять, потому что мне нужно было первой открыть дверь, войти и сесть за свой стол до того, как кто-нибудь сядет за мой.

У серверной я остановилась. Дверь была приоткрыта. Изнутри тянуло холодным металлом и машинным гулом. Кто-то вошел раньше меня. У меня в руке был ключ, а внутри уже кто-то был. Я толкнула створку, зашла и сразу увидела, что один из серверных шкафов вытасчен из ряда, кабель выдернут, индикаторы мигают красным.

Я перевела взгляд на стол охранника и узнала мою же куртку. Не пальто, нет, ту самую синюю куртку с моей фамилией на внутренней бирке. Она висела на спинке стула. На камере в углу мигал красный огонек записи. Я медленно выдохнула и положила свою связку ключей на стол рядом, как доказательство, что я здесь законно.

— Волкова, — сказал Зорин из-за шкафа. — Зачем вы пришли раньше?

Я его увидела не сразу. Он сидел на корточках у выдернутого кабеля и держал в руке мой блокнот с рабочими записями за прошлый квартал. Тот самый, который я оставила дома в ящике комода, а теперь он лежал у него в руках и был раскрыт на странице с моими пометками.

— Чтобы вы не решили, что это я, — ответила я. Голос был сухой, ровный, я не узнавала в нем себя.

Он поднялся. Брюки в пыли, куртка расстегнута, под мышкой папка, на папке печать отдела. Он подошел, положил блокнот на стол рядом с моими ключами и посмотрел мне в лицо так, как будто сверял фотографию с оригиналом.

— Вас зафиксировала камера у входа в двадцать три сорок, — сказал он. — С этим ключом. Ваша смена закончилась в восемнадцать.

— Я уходила, — сказала я. — Потом вернулась, потому что забыла в ящике блокнот.

— Блокнот лежал здесь, на столе, — он показал пальцем на желтое пятно от моей же кружки. — С ним работали, пока вас не было.

— Значит, с ним работал тот, кто вошел без меня.

Он помолчал, закрыл блокнот и убрал в папку. Я не успела возразить, что эта тетрадь моя личная и не является вещдоком, потому что он уже положил сверху свой лист с номером дела.

— Это изъятие, — сказал он.

— Я не отдавала.

— Волкова, вы сейчас в помещении, где, возможно, уничтожены доказательства. Любой предмет, к которому вы прикасаетесь, будет приобщен к делу.

— Вы описываете мою же тетрадь.

Я сняла с вешалки свою синюю куртку. На плече остался чужой волос, светлый, длинный, явно не мой. Я аккуратно сняла его, положила на стол рядом с ключами и накрыла своим чистым платком.

— Это зафиксировано, — сказала я. — И ваш блокнот, и мои ключи, и этот волос.

Он не стал спорить. Только вынул из кармана куртки телефон и включил запись.

— Лидия Андреевна, — сказал он, и это было первое его обращение ко мне по имени-отчеству, — с этого момента мы оба фиксируем каждый шаг.

У меня заныли лопатки от того, как ровно он это сказал. Он приехал в пять утра, открыл мой шкаф, забрал мой блокнот, повесил мою куртку на стул, чтобы камера сняла меня в чужом пальто, и теперь предлагал мне вместе фиксировать улики. Я стояла посреди своей же серверной, как гостя, которую пустили погреться.

Я посмотрела на красный огонек камеры и сказала:

— Артем Валерьевич, вы забрали мой блокнот из моего ящика дома. Это обыск с изъятием. Вы имели постановление?

Он не ответил сразу, и я поняла, что не имел. Он действовал по своей оперативной привычке, не успев оформить ничего, потому что боялся, что я уйду с этим блокнотом в другую сторону. Это был его первый настоящий промах, и он понял это раньше, чем я успела сформулировать.

— Нет, — сказал он наконец. — Постановления нет.

— Тогда верните.

— Не могу. Блокнот уже в деле.

— Тогда я напишу заявление в прокуратуру о незаконном изъятии, — сказала я. — Прямо сейчас. Здесь. В вашем присутствии.

Я вытащила из сумки чистый лист, достала свою авторучку и начала писать. Он стоял рядом и смотрел, как я вывожу дату, номер статьи и обстоятельства. Когда я дописала до его фамилии, он положил руку мне на локоть.

— Лидия Андреевна, — сказал он тише. — Это не поможет делу.

— Это поможет мне, — ответила я и не убрала руку.

Он убрал свою. Я сложила заявление, подписала, отдала ему копию через стол, а оригинал убрала в сумку. На столе остались лежать мои ключи, чужой волос под платком и его папка с моим блокнотом. Я развернулась, вышла из серверной и пошла к лифту. У двери обернулась.

— Артем Валерьевич, — сказала я. — Ключ от серверной останется у меня. Если вам нужен вход, вы приходите со мной.

Он не стал спорить. Я вышла, и в коридоре пахло остывшим кофе и чужой бумагой. У лифта я посмотрела на часы. Без пяти восемь. Через пять минут у моего кабинета будет стоять человек с удостоверением, и я встречу его там, а не здесь, потому что отныне я открываю свои двери сама.

У лифта я перевела дыхание и достала телефон. Связь ловила плохо, экран мигнул два раза, прежде чем высветился номер Нины Ермаковой. Я набрала ее, потому что мне нужен был не совет, а живой человек, который не начнет сразу учить меня жить. Трубку сняли после третьего гудка.

— Нина Сергеевна, — сказала я. — Это Волкова. Меня переводят в общежитие на Лиговском, шестьдесят два. Мне сказали, что вы там на этаже дежурите. Если можно, я заеду к вам до того, как приедет охрана.

— Заезжай, — ответила она коротко. — Третий этаж, комната в конце коридора. Чай у меня есть. У тебя, я знаю, нет.

Я спрятала телефон и пошла к выходу. У проходной охранник посмотрел на мой пропуск так, словно впервые его видел, но приложил к турникету и кивнул. На улице пахло мокрым асфальтом и бензином. Я поймала такси, назвала адрес общежития и попросила ехать через Лесной проспект, потому что оттуда ближе к управлению, где мне должны были выписать постановление о защите свидетеля. Без постановления меня не имели права держать под охраной, а без охраны меня не пустят в мою же квартиру. Это была юридическая ловушка, и я должна была выйти из нее с бумагой в руках, а не с обещанием по телефону.

В такси я раскрыла сумку и пересчитала то, что у меня осталось. Калькулятор, две тетради в клетку, авторучка, зарядка для телефона, чистый бланк заявления, кошелек, ключи. Я положила ключи на колено и посмотрела на бирку с моей фамилией. Ее никто не подделает,

потому что почерк мой, и это единственный документ, который у меня сейчас не отберут. Я убрала ключи в карман и стала писать список вопросов на листке, вырванном из тетради. Первый пункт: кто дал копию ключа от серверной. Второй: на каком основании изъяли блокнот без постановления. Третий: кто забрал сервер и когда именно. Четвертый я подчеркнула дважды: потребовать постановление о защите свидетеля в письменной форме с номером и подписью прокурора.

Такси остановилось у серого четырехэтажного дома с облупившейся штукатуркой. У подъезда сидел на табурете Сергей Лыков, дворник-вахтер, и чинил сломанную ручку метлы. Он поднял голову, посмотрел на меня, кивнул и открыл дверь своим ключом, потому что магнитный замок опять заедал.

— Лидия Андреевна, — сказал он негромко. — Вас ждут. Пропуск я оформлю.

— Сергей Иванович, — ответила я. — Пропуск только после постановления. Без бумаги я к вам не поднимаюсь.

Он посмотрел на меня внимательно, отложил ручку и сказал:

— Справедливо. Я подожду.

Я поднялась на третий этаж, нашла комнату Нины Ермаковой и постучала. Она открыла сразу, как будто стояла за дверью. Маленькая, сухая, с коротко стриженными волосами и в очках на шнурке. На кухне у нее уже стоял чайник и две чашки.

— Садись, — сказала она. — Сначала чай, потом разговоры.

— Сначала разговоры, — возразила я и села на край табуретки. — Мне нужно, чтобы вы подтвердили время моего приезда в журнале посещений. Сейчас. До того, как приедет охрана.

Она посмотрела на меня поверх очков, сняла их и сказала:

— У меня журнал внизу, у Сергея Ивановича. Я сейчас спущусь и запишу. Ты посиди.

— Я пойду с вами, — сказала я. — Я не хочу, чтобы между моим приездом и записью в журнале была хоть минута.

Нина Сергеевна усмехнулась, накинула куртку и мы вышли. Внизу Сергей Иванович уже достал толстую тетрадь в клеенчатом переплете и положил на стол. Я продиктовала ему время, дату, свою фамилию. Он записал, показал мне страницу, я проверила и расписалась под записью. Чай подождет, а бумага нет.

Вернувшись к Нине, я наконец села и взяла чашку. Чай был горький, без сахара, пах смородиновым листом. Она села напротив, сложила руки и ждала.

— Мне нужно, — сказала я, — чтобы вы были рядом, когда приедет Зорин с постановлением. Я хочу видеть, как он его вручает мне лично, а не оставляет на вахте.

— Будет тебе вручение, — ответила она. — Я свидетель. Он мне тоже не нравится, но работа у него такая, не моя и не твоя.

За окном хлопнула дверь машины. Я посмотрела на часы и допила чай. Зорин пришел вовремя, потому что пунктуальность у него была единственная вежливость, которую он не забывал. Я встала, одернула жакет и вышла в коридор. У двери стоял он, в куртке, с папкой в руке, и за ним Тимур Горелов, стажер, с кожаной сумкой для документов.

— Лидия Андреевна, — сказал Зорин. — Постановление о защите свидетеля. Номер, дата, подпись прокурора. Вам лично.

Я взяла папку, открыла, прочитала каждый пункт, проверила номер, сверила фамилию прокурора с памятью и закрыла. Потом посмотрела на Тимура.

— Протокол вручения, — сказала я. — Два экземпляра, подпись понятых. Понятой — Нина Сергеевна Ермакова.

Тимур посмотрел на Зорина, тот кивнул, и стажер полез в сумку за чистым бланком. Нина Сергеевна уже стояла рядом, в очках, с авторучкой наготове. Я расписалась, поставила время, передала ей второй экземпляр и только тогда сказала:

— Теперь я готова занять комнату.

Комната оказалась меньше, чем я думала. Кровать у стены, тумбочка с треснутым углом, стул, стол, за которым с трудом развернулась бы тетрадь в клетку. На столе уже лежал лист бумаги, отпечатанный на старом принтере: «Жильцам запрещается хранить в комнате легко-воспламеняющиеся жидкости и проводить ремонт без согласования с комендантом». Я положила поверх листка свой блокнот, достала калькулятор и села.

— Зорин, — сказала я, не поднимая головы. — У вас есть ключ от этой комнаты?

— Есть, — ответил он тихо. — Дубликат у дежурного.

Я подняла глаза. Он стоял в дверях, не входил. Нина Сергеевна осталась в коридоре, не выглядывая, но я слышала, как она покашливает. У Зорина в руках была только папка с постановлением. Никаких пакетов, ни сумок, ни удостоверения на виду. На поясе, под курткой, висела связка ключей на служебном шнурке, и я узнала среди них узкую пластинку от серверной — ту самую, которую сегодня утром забрала у него сама.

— Вы не отдали ключ дежурному, — сказала я. — Зачем он вам в этой комнате?

— Привычка, — ответил он. — Мне так спокойнее.

— Положите на тумбочку, — сказала я. — Ключ от моей комнаты должен лежать у меня в комнате, а не у вас на поясе. Иначе это не охрана, это контроль.

Он посмотрел на меня, на ключ, на тумбочку. Молча снял связку, вытащил пластинку серверной и положил на тумбочку. Связка остальных ключей вернулась на пояс. Я передвинула тумбочку к себе, прижала коленом, забрала ключ и спрятала во внутренний карман жакета. Он выдохнул, и в этом выдохе мне послышалось что-то вроде «ладно».

— Садитесь, — сказала я. — Раз уж вы здесь.

Стул был один. Он остался стоять. Я сняла жакет, повесила на спинку стула, достала из сумки вторую тетрадь, ручку и положила перед ним на стол лист блокнота. Мне нужно было, чтобы он видел, как я работаю, иначе мы опять начнем с «вы скрыли», «вы обязаны», «вы передали».

— Сядьте на кровать, — сказала я. — Мне так удобнее объяснять.

Он сел на край кровати, не снимая куртки. Между нами было расстояние вытянутой руки. Я чувствовала, как от него пахнет бумагой и мокрой шерстью — он успел пройти через двор под дождем, пока я поднималась по лестнице. Я открыла банковские выписки, которые успела скопировать с рабочего ящика до обыска, и разложила на столе.

— Смотрите, — сказала я. — Здесь квартал, который сервер не сохранил. Я помню его по актам сверки и по выпискам, которые видела ночью. Сейчас я восстанавливаю его по памяти, и мы вместе проверим каждую строку. Если я ошибусь, вы это поймаете. Если я что-то утаю, вы это увидите. Но для этого мне нужно, чтобы вы смотрели мне в руки, а не в мою сумку.

Он кивнул. Я начала писать: даты, номера счетов, контрагенты, суммы. Почерк у меня мелкий, цифры стоят ровными столбцами, и через пятнадцать минут стол стал похож на маленькую шахматную доску. Зорин сидел неподвижно, иногда наклонял голову и повторял вслух номер счета, сверяя его со своим блокнотом. Ни разу не сказал «вы уверены». Это раздражало и одновременно было честнее, чем я ожидала.

На двадцать третьей строке я остановилась и подчеркнула красным.

— Видите? — спросила я.

— Вижу, — ответил он. — Этот перевод уходит на счет, который зарегистрирован на Паршина.

— Нет, — сказала я. — Этот счет зарегистрирован на физическое лицо по договору дарения. Фамилия другая. Но бенефициар по последним четырём операциям — один и тот же IP-адрес кабинета, из которого ушли документы. Я знаю этот кабинет. Я там работала три года назад.

Он промолчал. Я видела, как он сжал пальцы на колене и медленно разжал. Он хотел спросить, кто этот человек, и не спросил, потому что уже знал ответ. Я тоже не стала называть

имя вслух. В комнате стало тесно, как бывает тесно в приемной у прокурора, когда обе стороны понимают, что следующая фраза изменит все.

— Я допрошу его официально, — сказал он наконец. — Завтра.

— Нет, — сказала я. — Я сама. После допроса вы получите протокол, я получу повестку, и мы будем играть по правилам. Пока вы не допросили его, я не могу быть уверена, что он не узнает о нашей схеме через вас. Если у вас есть утечка — а она у вас есть, майор, иначе сервер не вывели бы в ту же ночь, — то мой бывший муж узнает о моем восстановлении первым.

— Это ваш бывший муж, — сказал он осторожно, не отводя глаз.

— Да, — сказала я. — Поэтому я не хочу, чтобы его имя впервые прозвучало в вашем кабинете.

Он откинулся на кровать и закрыл глаза. Это выглядело не как слабость, а как человек, которому впервые за долгое время дали право сидеть и не командовать. Я подвинула лист блокнота, дописала строку и подчеркнула его имя в списке вопросов. Между нами легла тень от тумбочки, узкая и косая. На тумбочке больше не было ключа. Я чувствовала его через карман, маленький и тяжелый, как таблетка, которую нельзя забыть проглотить.

— Чай, — сказала я. — У вас в куртке термос или мне опять придется идти к Нине Сергеевне?

— У меня есть термос, — ответил он не открывая глаз. — В машине. Мне сейчас не до чая.

— Тогда я сварю, — сказала я. — Когда вы перестанете притворяться, что я вам не доверяю. Это может быть не сегодня.

Он открыл глаза и впервые посмотрел на меня так, как будто я имела право решать, когда ему сидеть, когда говорить, а когда идти за термосом. Я отвернулась и продолжила писать. Тетрадь пахла бумагой и моими духами, и я поняла, что это первый вечер за две недели, когда я не одна в чужой комнате, и что именно сейчас мне труднее всего.

Рука устала раньше, чем цифры кончились. Я выпрямила пальцы, положила ручку и посмотрела на стол. Четыре листа мелкого почерка, двадцать девять строк, семь подчеркнутых красным. Зорин сидел на краю кровати, не двигаясь, и я впервые подумала, что он действительно меня слушал, а не ждал момента, чтобы перехватить инициативу. Это раздражало сильнее, чем если бы он спорил.

Я встала, прошла к окну и открыла форточку. Двор пах мокрым асфальтом и сигаретным дымом от курилки вахтера. Сергей Лыков стоял у входа, и я помахала ему рукой. Он кивнул и не ответил — для него это было знаком, что в комнате все в порядке.

— Зорин, — сказала я, не оборачиваясь. — У вас есть копия выписки по счету Хвостова?

— Есть. В деле. Принести завтра.

— Принесите сейчас. В машине.

— В машине, — повторил он, и я услышала, как он встает.

Шаги в коридоре были тяжелыми, но не злыми. Нина Сергеевна выглянула из своей двери, посмотрела ему вслед и закрыла дверь плотнее. Я подошла к столу, собрала листы, перевернула их обратной стороной и положила сверху блокнот. На тумбочке ничего не было. Ключ лежал у меня во внутреннем кармане жакета, и я чувствовала его ребром каждый раз, когда поворачивалась.

Он вернулся через восемь минут. В руках у него была тонкая папка и пластиковый стаканчик с горячим чаем, который явно шел не от термоса. Он поставил стаканчик на стол рядом с моими листами и сел обратно на кровать, на то же место.

— Где вы его взяли? — спросила я.

— У Нины Сергеевны.

— У нее нет чая в это время.

— Теперь есть.

Я посмотрела на стаканчик. Бумажный, с логотипом столовой через дорогу. Не из автомата. Значит, он вышел на улицу, прошел через двор, дошел до перехода и вернулся. Я подняла стаканчик и сделала один глоток. Чай был слишком крепкий и сладкий, и я поняла, что он запомнил, как я пью. Это было хуже, чем если бы он не запомнил.

— Дальше, — сказала я. — Смотрите тридцатую строку. Это платеж, который ушел через счет, зарегистрированный на физическое лицо. Бенефициар по IP — кабинет 412 в здании холдинга. В этом кабинете сидит мой бывший муж. Он там уже три года.

Зорин молчал. Я видела, как он вынул из папки выписку и положил рядом с моим листом. Цифры совпали до копейки. Я кивнула.

— Значит, — сказал он, — мы имеем его IP и его кабинет. Этого мало для допроса, но достаточно для запроса в банк.

— Запрос подавайте через прокурора, — сказала я. — Не через отдел. Я вам это говорю один раз. Если в отделе есть человек, который слышит ваши шаги раньше, чем вы успеваете их сделать, то запрос через отдел уйдет моему мужу в течение часа.

— Вы понимаете, что это обвинение в адрес моих людей.

— Я понимаю, что это констатация факта. Сервер вывезли в ту же ночь, когда я его нашла. Охрана утверждает, что видела меня. Ключ-карта зарегистрирована на мою смену. В отделе об этом знали до того, как вы пришли ко мне в кабинет. Это не случайность, майор. Это маршрут.

Он встал, прошел к двери и закрыл ее. Я услышала, как он провернул замок. Потом вернулся к кровати и сел не на край, а ближе к середине. Между нами стало меньше расстояния.

— Лидия Андреевна, — сказал он впервые за вечер по имени-отчеству. — Я завтра вызываю вашего мужа на допрос. Я подаю запрос через прокурора. Я не передаю это никому из отдела до утра. Если вы правы, мы получим подтверждение через банк. Если вы ошибаетесь, вы извинитесь перед Тимуром лично.

— Хорошо, — сказала я.

— Что «хорошо»?

— Я извинюсь. Если ошибусь.

Он кивнул. Я дописала в тетради последнюю строку, поставила точку и закрыла блокнот. За окном перестал идти дождь, и двор стал блестеть под фонарем. Сергей Лыков закрыл курилку и ушел к себе в бытовку. Нина Сергеевна погасила свет в своей комнате.

— Идите, — сказала я. — Утром увидимся.

Он встал, взял папку, посмотрел на стаканчик и не взял его. У двери обернулся.

— Чай, — сказал он, — был не для меня.

Я не ответила. Он вышел. Я заперла замок, сняла жакет и повесила его на стул. Ключ переложила из кармана в ладонь и долго держала, пока он не нагрелся. Потом положила его под подушку и легла, не снимая туфель. Через стену было слышно, как Зорин спускается по лестнице. Каждая ступенька звучала отдельно, и я считала их до первой двери.

Глава 3. Майор экономического отдела

Утро в общежитии начиналось с запаха хлорки и подгоревшей каши из общей кухни. Я стояла у плиты, помешивая свой завтрак, когда услышала в коридоре шаги. Не тяжелые, не служебные, а мягкие, почти вкрадчивые. Нина Ермакова высунулась из-за угла с чашкой чая в руках. Лицо у нее было такое, будто она не спала всю ночь.

— Лидия Сергеевна, — сказала она, понизив голос. — Там к вам пришли.

— Кто?

Я выключила конфорку и отставила ложку. В моем новом мире любой визит означал либо повестку, либо новую порцию проблем.

— Женщина. Спрашивает вас. Говорит, что по делу.

Нина качнула головой в сторону лестницы.

Я вытерла руки о полотенце, висевшее на крючке у двери, и пошла по коридору. На площадке между вторым и третьим этажом стояла Ольга Минц в темно-синем пальто. Лицо у нее было таким же бледным, как у Нины.

— Зачем пришла? — спросила я, останавливаясь на две ступеньки выше.

— Спустись, — сказала Ольга. — Или поднимемся к тебе. Твоя соседка смотрит так, будто я из налоговой.

Мы поднялись ко мне. Я открыла дверь своим ключом и пропустила Ольгу внутрь. Она окинула взглядом узкую комнату, кровать под серым покрывалом, стол с моими тетрадями и калькулятором, занавеску из плотной ткани.

— Нормально устроилась, — сказала она ровно.

— Садись. И говори, зачем пришла.

Ольга Минц достала из сумки тонкую папку и положила на стол.

— Мне нужно взглянуть на схему, которую ты восстанавливаешь, — сказала она, садясь напротив. — Зорин подал запрос в банк. Я это узнала полчаса назад от знакомого в прокуратуре. Лидия, я твой адвокат, но у меня нет копий документов, которые ты передала следствию. Я не могу тебя защитить, если не знаю, что именно ты подписала.

— Ничего я не подписывала. Зорин получил от меня только объяснение по серому пальто и блокнот, который изъят без постановления. Схему я восстанавливала сама. У себя в голове.

Ольга наклонилась вперед, и я почувствовала запах чужих духов, тонкий и сладкий, будто от шарфа, который забыли в прихожей.

— Лида, — сказала она мягче. — Зорин не из тех, кто спрашивает разрешения. Он из тех, кто сначала делает, потом оформляет. Тебе нужен защитник, который в курсе всех деталей, а не тот, кого вызвали вчера повесткой.

— У меня есть ты.

— У тебя есть человек, который передает тебе постановления и уходит. А мне нужна схема. Завтра тебя вызовут на первый официальный допрос, и ты должна прийти туда с готовым ответом, а не с тетрадкой от руки.

Она открыла папку и достала лист. Там был текст повестки. Я узнала номер кабинета — тот самый, где вчера сидел Зорин. Ниже стояла подпись прокурора, который оформлял мне постановление о защите.

— Откуда это у тебя?

Ольга убрала лист обратно в папку.

— Я же адвокат. Имею право знать, когда моего клиента вызывают на допрос. У меня свои источники.

Я молча смотрела на нее. Духи на ее шарфе пахли лилией и чем-то горьким, лекарственным. Такие духи носила одна женщина в нашем отделе — Раиса Карташова. Я знала это точно, потому что однажды на совещании сидела рядом с ней и весь день чувствовала этот запах.

— Оля, ты была у Карташовой.

Ольга не вздрогнула. Только чуть сузились глаза.

— Лида, я твой адвокат, а не твой подозреваемый. Я пришла к тебе по делу.

— Тогда объясни, почему от тебя пахнет ее духами.

В комнате стало тихо. За стеной кто-то включил воду, и трубы загудели. Ольга Минц положила папку на стол и сказала медленно:

— Карташова предложила мне сотрудничество. Я отказалась. Но отказалась так, чтобы она думала, будто я согласилась. И сейчас она думает, что я работаю на нее, а на самом деле я работаю на тебя. И мне нужно знать, что именно ты восстановила в своей схеме, чтобы понять, как они попытаются тебя подставить.

Та самая женщина, которая вчера в коридоре офиса попросила меня принести распечатку на утро, теперь вышла на моего адвоката. Не на Зорина, не на прокурора, а именно на Ольгу. Чтобы знать, что я делаю, и иметь возможность опередить.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Они испугались, что ты расскажешь про серое пальто. И теперь пытаются найти канал, через который смогут подбросить тебе фальшивую переписку или липовое дело.

Она встала и подошла к моему столу. Там лежали две тетради — та, которую Зорин изъясил вчера, вернув на следующее утро с распиской, и новая, с моими записями последних суток.

— Мне нужно взглянуть, — сказала она, протягивая руку.

Я перехватила ее запястье. Не сильно, но твердо.

— Тетради остаются у меня. Я принесу их тебе, если они понадобятся для защиты, и не раньше. Если Карташова знает, что ты к ней приходила, она знает и про этот визит. Может быть, она ждет, что я открою дверь и положу тетрадь на стол, а в этот момент кто-то стоит за окном с камерой.

Ольга отдернула руку.

— Ты стала параноиком, — сказала она не зло, а почти с уважением. — Я бы на твоём месте тоже стала.

— Я не параноик. Я судебный бухгалтер. Я работаю с цифрами, а цифры не врут. Вчера ночью кто-то вошел в серверную по моей ключ-карте. Это факт. Сегодня кто-то вышел на моего адвоката. Это тоже факт. И если кто-то думает, что я открою свои записи человеку, который пришел от Карташовой, он плохо знает мою профессию.

Ольга смотрела на меня долго. Потом подняла руки, показывая, что сдаётся.

— Хорошо. Тогда скажи мне одно. В схеме, которую ты восстановила, есть фамилия твоего бывшего мужа?

Я молчала.

— Лида, если есть, мне нужно знать сейчас, потому что завтра на допросе тебя спросят именно про это. И если ты не подготовишь ответ заранее, они используют это против тебя.

За стеной Нина Ермакова стучала кружкой о стол, убирая посуду. Я слышала этот стук и понимала, что нужно отвечать. Не потому что я доверяла Ольге, а потому что она была права. На допросе меня спросят про бывшего мужа. И я должна была решить, как это говорить.

— Есть. Одна строка. Платеж через счет физлица. Бенефициар определяется по IP кабинета, в котором сидит мой бывший муж.

— Чей кабинет?

— Четыреста двенадцатый.

Ольга закрыла глаза на секунду, потом открыла.

— Четыреста двенадцатый — это отдел внутреннего аудита. Тот самый, где сидит Карташова.

— Я знаю.

Она смотрела на меня, и я видела, как у нее в голове складывается картинка. Карташова. Мой бывший муж. Кабинет 412. Моя ключ-карта. Серое пальто в полночь. Все сходилось в одну точку.

— Мне нужно идти, — сказала Ольга, застегивая пальто. — Если Карташова узнает, что я была у тебя слишком долго, она поймет, что разговор был серьезный. Я скажу ей, что ты отказалась давать документы и ведешь себя неадекватно.

— Скажи ей, что я в шоке. Что я почти готова подписать что угодно, лишь бы меня оставили в покое.

— Зачем?

— Затем, что она будет ждать, что я сломаюсь. И в этот момент я выйду из общежития с тетрадью и пойду в прокуратуру сама.

Ольга чуть улыбнулась краем рта.

— Ты стала другой.

— Я всегда была такой. Просто раньше у меня не было причин так себя вести.

Она ушла, и я осталась стоять у стола, глядя на свои тетради. Духи лилии и горечи еще держались в комнате, и я открыла окно, чтобы выгнать их наружу. Холодный воздух с улицы обжег лицо. Где-то внизу, у подъезда, стояла машина, и я знала, что кто-то в ней ждал, когда я выйду.

Нина Ермакова заглянула в комнату, увидела открытое окно и сказала тихо:

— Лидия Сергеевна, там опять стоит черная машина. Уже полчаса.

— Пусть стоит.

— Вызвать Зорина?

— Пока не надо. Я хочу, чтобы они думали, что я одна.

Нина посмотрела на меня внимательно, кивнула и закрыла дверь. Я села за стол, открыла новую тетрадь и написала на чистой странице: «Допрос. 412. Бывший. Ответ заранее». И подчеркнула дважды.

Я обвела строку еще раз, на этот раз красной ручкой. Красный должен был напоминать мне, что это не план работы, а красная черта, которую нельзя переступить.

За окном по-прежнему стояла черная машина, и я знала, что тот, кто в ней сидит, ждет не моего выхода. Он ждет, что я позвоню кому-нибудь и попрошу о помощи. Я не позвоню. Я выйду сама.

Я встала из-за стола, прошла в ванную, умылась холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Тридцать три года, темные круги под глазами, волосы собраны в хвост, на виске маленькая царапина от вчерашнего падения сумочки. Ничего героического. Ничего, что делало бы меня жертвой или героиней. Просто женщина, которая считает цифры и не любит, когда ей врут.

Я вернулась к столу и достала из нижнего ящика копию банковской выписки, которую мне привез Тимур Горелов утром под подпись. Сорок две строки. Я разложила их веером и начала сверять с записями в тетради. На двадцать третьей строке стоял тот самый платеж, через счет физлица, с указанием IP кабинета 412. Я обвела его красным и написала сбоку: «Допрос. Бенефициар. Кабинет 412.»

Это было мое главное оружие и моя главная слабость одновременно. Если я скажу на допросе все, как есть, меня спросят, почему я молчала почти сутки. Если я промолчу, меня спросят, что я скрываю. И в обоих случаях первое, что сделает следователь, это посмотрит в сторону моего бывшего мужа.

Я достала из ящика блокнот с адресами. Адвокат Ольга Минц была первой в списке. Я сняла трубку служебного телефона и набрала ее номер. Три гудка, потом щелчок автоответчика. Я положила трубку, не оставляя сообщения. Если Карташова действительно вышла на Ольгу, любой мой звонок будет зафиксирован. Я не хотела давать им лишний повод думать, что мы с адвокатом действуем заодно.

В дверь постучали. Я вздрогнула, потом заставила себя дышать ровно.

— Открыто.

Это была Нина Ермакова. В руках она держала кружку, от которой поднимался пар.

— Лидия Сергеевна, я вам чай принесла. С мятой, как вы любите.

— Спасибо, Нина. Поставьте на стол.

Она поставила кружку и осталась стоять у двери.

— Машина не уехала.

— Знаю.

— Может, все-таки позвонить майору?

— Нет. Пока нет. Пусть думают, что я одна.

Нина посмотрела на меня внимательно, потом кивнула.

— Лидия Сергеевна, я тридцать лет на дежурстве отработала. Я знаю, когда человек боится, а когда готовится. Вы сейчас готовитесь. Я вам мешать не буду. Если что, я в своей комнате.

Она ушла. Я взяла кружку, отпила глоток. Чай был горячий, мятный, немного горький. Я любила такой.

Я открыла новую тетрадь. Не ту, которую Зорин изъясил вчера, а совсем другую, купленную сегодня утром в хозяйственном на первом этаже. В ней я начала писать заново. Не схему платежей, а свои вопросы. Простые, короткие, по существу.

«Кто имел доступ к моей ключ-карте в ночь с понедельника на вторник? Кто мог снять копию? Почему охранник опознал меня по синей куртке, если на камере серая?» Последний пункт я подчеркнула дважды. Потом добавила четвертый: «Купить нормальный чай». Если уж спасать собственное дело, то хотя бы не на этой бурде из столовой.

Я писала минут двадцать, и за это время в комнате стало совсем тихо. Только за стеной Нина переставляла посуду в шкафу, да в коридоре кто-то прошел, шаркая тапочками. Потом шаги замерли у моей двери, и я услышала, как в замок вставили ключ.

Дверь открылась. На пороге стоял Артем Зорин, в расстегнутой куртке, без папки, без удостоверения. Он посмотрел на меня, потом на открытое окно, потом на черную машину внизу.

— Почему не позвонили?

— Потому что хотела посмотреть, что они будут делать.

Он вошел, закрыл за собой дверь и встал у стола, не садясь.

— Они уехали, как только я вошел в подъезд.

— Значит, они ждали именно меня одну.

Мы смотрели друг на друга. Он был бледнее обычного, и я впервые заметила, как у него напряжена челюсть.

— Садитесь. Чай будете?

— Буду.

Он сел напротив, и я налила ему чай в чистую кружку, которую принесла Нина вместе со своей. Он взял кружку, отпил глоток и посмотрел на мою тетрадь через стол.

— Что это?

— Вопросы, которые я буду задавать завтра на допросе.

— Можно посмотреть?

Я подвинула тетрадь к нему по столу. Он читал медленно, водя пальцем по строчкам. На третьем пункте его палец задержался.

— Синяя куртка. Откуда вы знаете, что на камере была серая?

— Потому что в ту ночь я ушла в черном пальто. А серое носила Раиса Карташова.

Он поднял на меня глаза.

— Вы уверены?

— Уверена.

Он допил чай, поставил кружку на стол и сказал тихо:

— Лидия Сергеевна, завтра на допросе я буду сидеть напротив вас. И я буду обязан спросить про вашего бывшего мужа. Я хочу, чтобы вы знали: я спрошу это не потому, что мне приказано. А потому что мне нужно понять, почему эта строка в схеме ведет именно в его кабинет.

— Спрашивайте. Я отвечу. Но сначала я хочу, чтобы вы ответили мне на один вопрос.

— Какой?

— Почему вы пришли без удостоверения?

Он посмотрел на меня долго, потом отвел взгляд.

— Потому что сегодня я пришел не как майор.

Я держала его взгляд и ждала продолжения. Он не торопился. Чай в его кружке остывал, на поверхности собиралась тонкая пленка, и я видела, как он борется с собой — не со мной, с собой.

— Зорин, я задала вопрос. Отвечайте.

Он поставил кружку на стол. Медленно, как будто она была тяжелее, чем выглядела.

— Потому что в этом деле я майор уже третий раз подряд облажался. Сначала забрал ваш блокнот без постановления. Потом держал вас в кабинете дольше, чем имел право. Потом приехал к вам в общежитие без протокола. Каждый раз я говорил себе, что это в интересах следствия. Сегодня я пришел и понял, что это в интересах меня.

Он впервые говорил так — без канцелярита, без оговорок. Я не знала, что с этим делать.

— Артем Андреевич, — сказала я, и он вздрогнул. Я впервые назвала его по имени-отчеству. — Я вам не верю. Я вам пока не верю. Но я согласна, чтобы вы сидели за этим столом.

Он кивнул. Один раз, коротко.

— Спасибо.

— Не за что. Теперь к делу.

Я открыла тетрадь на нужной странице и подвинула к нему.

— Двадцать третья строка. Платеж через счет физического лица. Бенефициар определяется по IP кабинета, в котором зарегистрирован вход. IP ведет в кабинет 412. Я проверила по локальной сети офиса — этот кабинет закреплен за Денисом Паршиным. Это мой бывший муж.

Он смотрел на строчку, не поднимая глаз.

— Вы уверены?

— Уверена. Я не путаю номер своего бывшего кабинета.

Он закрыл глаза на секунду. Когда открыл, в них было что-то похожее на усталость.

— Это меняет дело.

— Это меняет мою жизнь. У меня была квартира, работа, имя. Теперь у меня есть комната в общежитии, служебный ноутбук и строка в вашей схеме, которая ведет к человеку, с которым я прожила четыре года. Вы хотите сказать мне, что это только меняет дело?

Он не ответил. Я видела, как он сжал челюсть.

— Я не обвиняю вас. Я говорю вам, что вы должны понять. Для меня это не строка в схеме. Для меня это человек, который врал мне три года подряд. И теперь я сижу в чужой комнате и считаю его деньги.

В коридоре слышались шаги. Нина прошла мимо двери, задела тапочек о порог, чертыхнулась. Шаги удалились. Зорин проводил их взглядом и снова посмотрел на меня.

— Лидия Сергеевна, если вы хотите, я подам рапорт об отводе. Дело передадут другому следователю.

— Нет. Не подавайте.

— Почему?

— Потому что вы уже знаете про двадцать третью строку. Другой следователь узнает завтра утром и начнет с чистого листа. А у меня нет чистого листа. У меня есть вы.

Он откинулся на спинку стула. Я впервые видела его таким — без пиджака, без галстука, с расстегнутым воротом, усталым и настоящим.

— Тогда я остаюсь.

— Тогда работаем.

Я достала из ящика банковские выписки, разложила их веером между нами. Он наклонился над столом, и я почувствовала запах — не одеколон, не табак, просто холодный воздух с улицы и бумагу.

— Двенадцатая строка. Смотрите.

— Вижу. Платеж прошел через ту же обналичку.

— Через ту же. Это значит, схема не разовая. У них был канал минимум полгода.

Он поднял на меня глаза. В них впервые за вечер появилось что-то похожее на интерес.

— Откуда вы это знаете?

— Потому что я работаю с цифрами четырнадцать лет. И потому что я ваш свидетель, а не подозреваемая. Начните наконец видеть разницу.

Он опустил глаза. Потом кивнул.

— Я постараюсь.

Я достала из ящика счет за комнату, положила его рядом с тетрадью и достала калькулятор. Цифры не успокаивали, зато не требовали верить. В графе «дополнительные расходы» стояла сумма, которую с меня удержали за буфетную службу, хотя я ни разу не брала ключ от кухни и не пользовалась общей плитой. Я подчеркнула строку и написала заявление на перерасчет.

Зорин сидел напротив, снова в пиджаке, будто наша вечерняя откровенность не имела к утру никакого отношения. Он застегнул папку с копиями выписок и спросил:

— Зачем вам это?

— Потому что меня заставляют платить за право жить в комнате, которую я не выбирала. Я не собираюсь подписывать каждую бумагу, не глядя.

— Это не имеет отношения к делу.

— Имеет. Если из отдела утекает каждое решение, я буду знать, какие бумаги можно оставлять на столе.

Он посмотрел на заявление, потом на меня:

— Вы считаете, что вас обвиняют?

— Нет. Я считаю, что меня проверяют на прочность. Вчера забрали блокнот, сегодня заставили подписать заявление о защите, завтра вы будете объяснять, почему я не могу уйти дальше квартала. Разница небольшая.

Я поднялась и понесла заявление к двери. Ключ от комнаты, который теперь был у меня, ударился о косяк. Зорин не предложил отнести бумаги. Это был его странный способ уважать мою самостоятельность: не помогать там, где я могла справиться сама.

В коридоре пахло сырой штукатуркой и кофе из общей кухни. За стеной кто-то включил воду, затем раздался приглушенный стук посуды. Я прошла к комнате дежурной, но не успела постучать: дверь открылась, и Нина Ермакова выглянула в щелку.

— Опять бумаги?

— На перерасчет.

— А у тебя арифметика правильная?

— Проверьте.

Нина взяла лист, водрузила на нос очки, которых я раньше не видела, и пробежала глазами цифры.

— Тут не только буфетная служба. За охрану отдельной строкой, за пользование служебным ноутбуком, за доступ к информации. Кто составлял?

— Постановление.

— Вот и иди к тому, кто составлял. Я понятая, а не кассир.

Я вернулась в комнату. Зорин ждал у стола.

— Нина отказалась подписывать.

— Она не обязана.

— Я тоже не обязана платить за то, чего мне не объяснили.

Он достал телефон, но я остановила его:

— Не звоните в отдел.

— Почему?

— Потому что там уже знают про двадцать третью строку. Я хочу сначала понять, кто и за что мне выставил счет.

На его лице мелькнуло раздражение, но он убрал телефон.

— Хорошо. Говорите здесь.

Я положила перед ним квитанцию и постановление.

— Вот сумма за комнату. Вот сумма за охрану. А вот мой пропуск. Там указан радиус в один квартал, но в постановлении нет запрета на выход. Значит, мне либо неверно объяснили правила, либо меня ограничивают без достаточного основания.

Зорин взял оба документа. Его взгляд двигался медленно, строка за строкой, и мне вдруг стало неловко оттого, что я так внимательно слежу за его руками. Он был единственным человеком в отделе, кто не смотрел на меня как на источник будущих показаний.

— Здесь действительно нет запрета, — сказал он. — Есть рекомендация.

— Рекомендация не равна ограничению.

— Согласен.

— Тогда я иду в прокуратуру.

Он поднял голову:

— Куда?

— Писать заявление. Мне нужен защитник, который будет проверять не только действия следствия, но и счета, документы и мою репутацию. Я больше не могу быть одновременно свидетелем, бухгалтером и человеком, который сам себя защищает.

Я набрала Ольгу Минц. Она ответила после второго гудка, голосом сухим и деловым:

— Я слушаю.

— Мне нужен адвокат по этому делу.

— У тебя уже есть Зорин.

— Зорин — следователь. Он не мой адвокат.

В комнате стало тихо. Зорин не шевелился, но я видела, как напряглась его челюсть.

— Тогда пришли постановление, квитанцию и список всех документов, которые у тебя изъяли, — сказала Ольга. — Без оригиналов. И не передавай ничего через отдел.

— Почему?

— Потому что если утечка там, я не хочу, чтобы мое имя появилось в их журнале раньше твоего заявления.

Я записала ее требования в тетрадь. Зорин встал и подошел к окну. За стеклом висел серый питерский день, редкие машины проезжали по мокрой дороге, фары отражались в асфальте.

— Вы ей доверяете? — спросил он.

— Я ей плачу.

— Это не ответ.

— Это ответ. Мне больше не нужны обещания. Нужны люди, которые отвечают за свои действия.

Он повернулся:

— Я отвечаю за свои.

— Тогда верните мне мой блокнот.

— Он в деле.

— По какому основанию?

Он не ответил сразу, и я поняла: блокнот оставался у него не потому, что так требовала буква закона, а потому, что он боялся его отпускать. Боялся, что я снова окажусь одна с платежами, записями и людьми, готовыми стереть меня вместе с уликами.

— Я не могу отдать его сейчас, — наконец сказал он. — Но могу выдать завтра копию каждой страницы под расписку.

— Опять копию.

— Оригинал приобщен к материалам. Я не имею права вернуть его по собственной воле.

— А изымать без постановления вы имели право?

— Нет.

Мы стояли теперь слишком близко к окну, между нами лежала раскрытая тетрадь с двадцать третьей строкой. Я увидела на его рубашке тонкую белую нитку, прилипшую к рукаву. Не знаю, откуда она взялась, но это была его неловкая, человеческая мелочь, и от нее стало только больнее.

— Хорошо. Копии под расписку. Заявление Ольге я отправлю сама.

— В общежитии нельзя пользоваться личной почтой.

— Я не собираюсь пользоваться почтой. Я отнесу документы лично.

— Вам запрещено покидать квартал.

— В постановлении этого нет.

Зорин шагнул ко мне, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Не делайте глупостей.

— Я иду к адвокату.

— Я отвезу вас.

— Нет.

— Это не предложение.

— Тогда это приказ?

— Это моя обязанность.

— Ваша обязанность — обеспечить мою безопасность. Не решать, куда мне ехать и с кем встречаться.

Он смотрел на меня, и в его взгляде было то же, что вчера: он хотел защитить меня от мира, но не понимал, что часть этого мира — его собственные решения. Я взяла сумку, положила внутрь копии, постановление и квитанцию, затем вернулась к столу за тетрадью.

— Я иду одна. Вы можете ехать следом, если это предусмотрено режимом. Но не садитесь ко мне в машину.

Зорин кивнул, хотя лицо его стало жестким.

— В девять утра я буду у прокуратуры.

— В девять я буду у Ольги.

— После этого вы вернетесь?

— Если не найду причину остаться.

Я открыла дверь. Коридор был пуст, но с лестницы доносился знакомый скрип. Нина снова прошла мимо, задела тапочек о порог и сердито пробормотала что-то себе под нос. Я шагнула к выходу, чувствуя, как за спиной Зорин собирает бумаги. Он не окликнул меня. И от этого молчания мне стало ясно: наша новая близость не отменяла его контроль, а моя попытка вырваться не отменяла его тревогу.

У двери я остановилась и обернулась.

— Артем Андреевич.

— Да?

— Если я найду адвоката, это не значит, что я вам не доверяю.

— А что это значит?

— Что я больше не позволю вам быть единственным человеком, который решает, где заканчивается моя работа и начинается моя жизнь.

Он стоял у окна в сером пиджаке, с папкой под мышкой, и выглядел так, будто хотел сказать что-то важное, но снова выбрал формулировку:

— Я передам вам копии до девяти.

— Передадите.

Я вышла в коридор. Дверь за мной закрылась с тихим щелчком, а в кармане у меня лежал ключ от комнаты, счет за нее и адрес адвоката, которому предстояло защищать не только мои показания, но и мое право не исчезнуть в чужом следствии.

Глава 4. Свидетель под охраной

Подъезд пах мокрой штукатуркой и застоявшимся сигаретным дымом. Я остановилась у двери, потому что на коврике лежала записка, а под ней — плед, свернутый в тугой ком, от которого тянуло железом. Сначала я подумала, что это ржавчина с трубы. Потом увидела край мужской ладони, торчащий из-под пледа, и серую куртку с эмблемой такси.

Человек дышал. Это я услышала раньше, чем разглядела лицо. Хрипло, со свистом, будто ему перебили ребро и он не мог набрать полной груди. Я присела на корточки, посветила телефоном. Куртка расстегнута, под ней — футболка, темная от крови с правой стороны. На ключице — татуировка с номером маршрута и маленький шрам, как у людей, которые долго работали по сменам. Я узнала этот шрам. Андрей Кравцов возил меня на аудит в Меркурий-Групп полгода назад, когда я еще числилась внешним экспертом.

— Андрей, — сказала я. — Это Лидия. Не дергайся.

Он зажмурился, открыл глаза, попытался что-то сказать. Из горла вырвался только звук. Я положила ладонь ему на грудь слева, где не было крови, и почувствовала, как сердце бьется тяжело и часто. Жив, пока жив.

Записку я подняла двумя пальцами, не сминая. Бумага плотная, офисная, с логотипом Меркурий-Групп в правом нижнем углу. Текст написан от руки округлым, чуть женственным почерком. «Л.В. — уходи. Сегодня ночью вывозят сервер. Если останешься живой, запомни, кто отдавал ключ. Чурсин жив. Р.» Буквы в конце чуть поплыли, будто писали на весу.

Я перечитала записку дважды. Чурсин — Геннадий Иванович Чурсин, бывший начальник отдела капитального строительства в администрации области. Я лично сверяла его данные три года назад, когда по запросу арбитража собирала справку о движении средств по его счетам. По документам он умер в марте, инсульт, гражданская панихида в закрытом формате. По словам Кравцова — он жив и живет на нем откаты.

Я достала телефон и набрала Зорина. Гудок, второй, третий. Потом короткое «слушаю». Голос у майора был такой, будто я разбудила его через два часа после того, как он лег.

— У моей двери раненый человек, — сказала я. — Андрей Кравцов, бывший водитель холдинга. Под ним плед, на записке логотип Меркурий-Групп и упоминание сервера. Я ничего не трогаю руками, кроме собственного телефона.

— Не подходи к нему, — отрезал Зорин. — Буду через десять минут. Не открывай никому.

— Он истекает кровью. У меня в сумке бинт из аптечки, который я ношу с прошлой экспертизы. Я перевяжу. Это не следственное действие, это первая помощь при свидетеле.

Он помолчал. Я слышала, как он натягивает куртку, как бренчит связка ключей.

— Перевязывай, — сказал он наконец. — Только зафиксируй время на камеру телефона. И не трогай записку пальцами без перчатки.

Я сбросила звонок, стянула с плеча ремень саквояжа и вытряхнула на коврик упаковку стерильного бинта, пластырь, две салфетки. Из кармана куртки Кравцова торчал смятый бланк путевого листа с печатью таксопарка. Я положила бинт рядом с его рукой и подняла телефон, чтобы снять раскладку: записка, плед, ладонь, край эмблемы. Таймер камеры показал 04:07. Я произнесла вслух:

— Четвертое июля, четыре ноль семь. У моей двери обнаружен мужчина с ранением правой ключицы, предположительно ножевое. Документы и плед не трогаю, оказываю первую помощь в присутствии телефона как фиксатора времени.

Кравцов шевельнулся. Я осторожно отогнула край футболки. Рана шла наискосок, неглубокая, но длинная, из тех, что сильно кровят, но редко убивают. Я прижала салфетку, потом

положила второй слой, свернула бинт восьмеркой через правое плечо и под мышку, закрепила пластырем. Он смотрел на меня мутно, но уже понимал.

— Лида, — прохрипел он. — Я тебя искал. Они... на стоянке... черная... машина тонированная...

— Тихо, — сказала я. — Все скажешь Зорину.

— Зорин... — он попытался улыбнуться, вышло страшно. — Он мужик нормальный. Я ему звонил. Он сказал... сиди дома.

Руки у меня были в его крови, и я впервые за много лет по-настоящему испугалась не за себя. За то, что через минуту в подъезд войдут люди, которые начнут делить эту кровь на «вещественное доказательство» и «следы биологического происхождения», а Андрей Кравцов будет для них только контактной единицей из реестра холдинга.

Лифт в подъезде загудел. Я встала, вытерла руки о собственные джинсы и пошла открывать. Зорин был в серой куртке, без галстука, под пиджаком — мятая рубашка. За ним стояли двое в штатском и один в форме участкового.

— Где раненый, — сказал Зорин не мне, а коридору.

— У двери, — ответила я. — Я перевязала, зафиксировала время. Плед и записку не трогала.

Он прошел мимо меня, не задев. Участковый присел к Кравцову, осторожно откинул плед. Один из штатских снимал на телефон, второй — на диктофон.

Зорин обернулся ко мне. Глаза у него были светлые и совершенно не спавшие.

— Лидия Андреевна, вы понимаете, что с этой минуты вы не можете оставаться в этой квартире?

— Понимаю. Но я не могу уехать, пока Кравцов в коридоре.

— Он поедет в больницу. Вы — со мной. У меня есть постановление о защите свидетеля, согласованное с прокурором, подпись привезут к семи. До этого момента вы будете в ведомственном общежитии на Лиговском. Это не обсуждается.

Я хотела сказать, что у меня в квартире ноутбук с рабочими файлами, что я обещала Ольге Минц привезти копию экспертизы к утру, что у меня кот, которого не с кем оставить. Вместо этого я сказала:

— Дайте мне пять минут. Я заберу тетрадь и клетчатый саквояж. Кот остается у соседки.

Зорин кивнул. Я зашла в квартиру, оставив дверь открытой. В прихожей пахло моим же чаем, который я забыла выключить утром. Прошла в комнату, вытащила из нижнего ящика комода самую толстую рабочую тетрадь в клеенчатой обложке, сунула в нее квитанцию об изъятии диска, блокнот с пометками, связку ключей и калькулятор. Саквояж уже стоял у двери. На шею повесила шнурок с ключом от серверной.

Кот сидел на стиральной машине. Я постучала к соседке, передала его с лотком и миской. Вернулась в коридор. Зорин ждал у лифта.

— Я готова, — сказала я.

Он протянул мне куртку. Свою, армейского кроя, с чужого плеча.

— Она чистая, — сказал он. — В машине кондиционер.

Я взяла куртку, накинула на плечи. Она пахла его одеколоном, хвоей и длинной бессонной ночью. Лифт пришел, двери разъехались в узкий прямоугольник света. Я вошла первой, он за мной. На площадке остался только участковый, который диктовал что-то в рацию.

Когда лифт поехал вниз, Зорин заговорил:

— Кравцова увезли. Он пришел в себя, назвал номер машины. По нему вышли на Дениса Паршина.

— Вы уже получили ордер?

— Пока только ориентировку. Машина зарегистрирована на холдинг, но за рулем был человек, которого камеры не видят.

— Тогда почему вы думаете, что это Паршин?

— Потому что он звонил Кравцову за два часа до нападения. Сказал, что тот должен передать вам записку. Кравцов отказался. После этого его ударили.

Внутри меня все сжалось. Денис Паршин не просто знал, что я обнаружила выплату. Он знал, каким образом добраться до меня, и выбрал человека, который мог вызвать доверие. Моя ночная находка уже перестала быть тайной внутри отдела.

— Вы поставили в известность прокурора?

— Утром.

— А руководство холдинга?

— После допроса Кравцова.

— Который состоится завтра.

— Да.

— И бывшего мужа вы тоже собираетесь допросить?

Зорин смотрел на мигающие этажи за стеклом кабины.

— У меня есть основания полагать, что он связан с одним из платежей.

— У вас есть документ?

— Пока нет.

— Тогда не используйте его имя в отделе.

— Я не собираюсь.

— Вы уже использовали.

Он наконец повернулся:

— Где?

— Вы назвали его человеку, который передал мне записку? Нет. Вы сообщили Денису Паршину, что проверяете кабинет бывшего мужа?

— Нет.

— Тогда кто-то в вашем отделе знает больше, чем должен.

Лифт остановился. Двери еще не открылись, а я уже поняла, что этот разговор стал не просто обменом подозрениями. Я только что дала ему направление, которое он мог проверить без моего разрешения. И одновременно поставила под удар собственную версию: если бывший муж невиновен, моя настойчивость превратит его имя в улику.

Зорин нажал кнопку открытия, но кабина замерла между этажами.

— Свет моргнул, — сказал он.

— Нас застряли?

— Нет.

Он достал телефон, проверил связь. Сеть пропала. В следующий миг погасло табло с этажами, и мы оказались в темноте, где пахло металлом и мокрой шерстью.

Я нащупала ручку саквояжа. Зорин включил фонарик.

— Не открывайте дверь, — сказал он.

— Я и не собиралась.

Он набрал номер аварийной службы, но связи не было. Я достала из саквояжа запасной фонарик и закрепила его на лбу. Луч выхватил панель управления, табличку с датой проверки и маленький красный индикатор.

— Питание отключено на всем стояке, — сказала я. — Это не аварийная остановка.

— Вы уверены?

— Проверьте щиток внизу. Но сначала сообщите на пост охраны.

Зорин набрал внутренний номер. Ему ответили сразу.

— Лифт застрял между вторым и первым, — сказал он. — Пришлите электрика. И зафиксируйте время отключения.

— Понял.

— Если это Паршин, он мог отключить электричество, — сказала я.

— Мог.

— Тогда Кравцов был не единственным, кого он хотел остановить.

Зорин посмотрел на меня:

— Вы считаете, он хотел забрать тетрадь?

— Он хотел убедиться, что я не успею связать платежи. Кравцов был способом выманить меня из квартиры. Раненый человек у двери — очень убедительный способ.

— Вы сами ему открыли.

— Я не открывала дверь. Он был в подъезде.

— И вы все равно вышли.

— Я слышала, как он стонет.

Он замолчал. За стеной лифта раздался скрежет троса, потом резкий удар. Я схватилась за его рукав. Ткань смялась под пальцами. Зорин не отстранился, его ладонь легла поверх моей руки и удержала ее, когда кабина дернулась.

В следующую секунду свет вспыхнул. На табло загорелась цифра один. Двери разошлись, и я увидела холл с охранником у турникета, участкового и двух сотрудников в штатском.

Зорин отпустил мою руку первым. Я медленно разжала пальцы.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул, но взгляд его метнулся к щитку. Там, за непрозрачной дверцей, кто-то заранее оставил красную метку на проводах. Метка была свежей.

Я достала телефон и сфотографировала ее.

— Что вы делаете? — спросил Зорин.

— Сохраняю доказательство.

— Я сам вызову эксперта.

— Тогда не мешайте мне фиксировать то, что еще не исчезло.

Он не ответил. Впервые за утро он не приказал мне отойти и не напомнил, что я не имею права трогать улики.

В кармане завибрировал мой личный телефон. Номер был незнакомым, но на экране высветилось одно сообщение:

«Не верьте Зорину. Он знал, что вас перевезут».

Я прочитала его дважды. Зорин заметил выражение моего лица.

— Кто написал?

— Не знаю.

— Покажите.

— После копии протокола.

Он протянул руку, но я убрала телефон.

— Нет. Это мое сообщение.

— В нем угроза.

— В нем информация. И пока вы не объясните, откуда у отправителя такие сведения, я не передам его вам добровольно.

Зорин сжал губы. В его взгляде мелькнуло понимание, что я больше не просто объект, который нужно охранять.

— Поедем, — сказал он. — В комнате вы получите протокол, копию постановления и отдельный телефон.

— Отдельный телефон мне не нужен. Нужен доступ к моим документам.

— Доступ будет ограничен.

— Тогда я не смогу работать.

— Сначала вы должны быть в безопасности.

Я посмотрела на красную метку в щитке и на сообщение в кармане. Безопасность больше не была местом, куда меня можно было спрятать. Она стала условием, на котором я согласна сотрудничать.

— Хорошо, — сказала я. — Я поеду в общежитие. Но моя тетрадь, ключ и телефон остаются при мне. Вы можете проверять входы и выходы, но не можете решать, какие выводы я делаю.

Зорин открыл передо мной дверь служебной машины.

— Это опасно.

— Я уже это поняла.

Когда я садилась, он на секунду задержал руку на крыше машины, закрывая меня от дождя. Я подняла голову и встретила с ним взглядом. Он был майором, но в эту минуту выглядел как мужчина, который привык отвечать за других и только сейчас понял, что я не позволю ему отвечать за меня одну.

Служебная машина остановилась у подъезда общежития на Лиговском, и я увидела Нину Ермакову на вахте. Она встретила меня взглядом прежде, чем Зорин успел открыть дверцу.

— Лидия Андреевна, — сказала она, не повышая голоса. — Комната на третьем этаже готова. Постельное я сменила.

— Спасибо, Нина Семеновна.

Я достала саквояж. Зорин забрал у меня тяжелую сумку с распечатками прежде, чем я успела возразить.

— Я донесу, — сказал он.

— Я сама.

— Здесь скользкие ступени.

Мы поднялись на третий этаж. В коридоре пахло хлоркой. Зорин остановился у двери с номером семь.

— Это ваша комната, — сказал он. — Ключ у вас.

Я открыла. Внутри стояла узкая кровать, тумбочка, стол у окна и стул. На столе лежала стопка чистых тетрадей и новый калькулятор в упаковке.

— Откуда это?

— Распоряжение начальника отдела, — ответил Зорин. — Вам разрешено работать здесь.

— Кто распорядился?

— Я.

Я поставила саквояж на стол и расстегнула его. Зорин стоял у двери, не входя.

— Артем Юрьевич, я согласна на общежитие. Но я забираю ключ от серверной с собой. Без него я не переступлю порог этой комнаты.

Он помолчал.

— Ключ остается у вас, — сказал он. — Но в серверную вы не войдете без меня и Тимура.

— Это не обсуждается.

— Это моя операция.

Я повесила шнурок с ключом на гвоздь у двери и прикрыла рукой.

— Хорошо, — сказала я. — Садитесь. Будем работать.

Он сел на стул напротив, и я впервые увидела, как он снимает пиджак. Под ним была серая рубашка с закатанными рукавами. Я разложила на столе свои тетради, калькулятор и огрызок карандаша.

— Двадцать девятая строка, — сказала я. — Платеж через счет физического лица. Бенефициар по IP кабинета четыреста двенадцать.

— Чей кабинет?

Я отложила карандаш.

— Вы знаете чей.

Он не ответил. Я достала из саквояжа распечатку с IP-адресами и положила перед ним. Он скользнул по ней взглядом, и я увидела, как его челюсть медленно сжалась.

— Завтра я выйду на допрос, — сказал он.

— С подписью прокурора?

— С подписью прокурора.

Я кивнула. За стеной кто-то включил воду, и трубы загудели низко и привычно. Зорин посмотрел на часы.

— Вам нужно поесть, — сказал он.

— Позже.

— Нина Семеновна принесет ужин к восьми.

— Я не просила.

— Я попросил.

За окном стемнело, в коридоре зажглись лампы дневного света. Зорин поднялся, и я заметила, что его пиджак остался на спинке стула. Он не взял его.

— Я приду утром, — сказал он.

— Приходите.

Он остановился у двери, не оборачиваясь.

— Лидия Андреевна, ваш блокнот я верну завтра с протоколом.

— Не нужно, — ответила я. — Я уже все вспомнила.

Дверь закрылась, и я осталась одна с калькулятором, тихим гулом труб и распечаткой, на которой впервые за утро чье-то имя стояло на официальном документе, а не в чужой голове.

Я спустилась к вахте в начале восьмого, потому что мне нужен был чай и чистая голова. Нина Ермакова сидела за стойкой, на которой лежала раскрытая тетрадь посещений. Она подняла на меня глаза и кивнула на кружку, уже накрытую блюдцем.

— Мужчина с серым пиджаком выходил в шесть двадцать три, — сказала она. — Записала.

— Спасибо, Нина Семеновна.

— Записываю всех, кто приходит к тебе, и кто приходит без тебя.

Я открыла тетрадь. Зорин входил в общежитие трижды: в семь вечера с постановлением, в десять с ключом от моего банковского архива и в шесть утра за распечаткой из серверной. Каждый раз рядом с его фамилией стояло время и подпись вахтера.

— Он выходил из здания в шесть двадцать три, — повторила я.

— С твоим блокнотом подмышкой, — спокойно добавила Нина Семеновна. — Я не спрашивала.

Я закрыла тетрадь и отнесла чай в комнату. За окном светало, в коридоре пахло хлоркой и подгоревшей кашей из общей кухни. На столе лежал мой саквояж, распечатки, калькулятор и чистая тетрадь в клетку, которую я сама себе купила вчера в переходе у метро.

Я села, открыла блокнот и переписала в новую тетрадь все двадцать девять строк, которые восстановила по памяти. На двадцать третьей строке остановилась. Счет физического лица, открытый в филиале на Лиговском, бенефициар по IP кабинета четыреста двенадцать. Я знала этот кабинет. Я сама подписывала в нем акт сверки, когда мы еще были женаты.

В дверь постучали. Я накрыла тетрадь ладонью, прежде чем ответить.

— Открыто.

Вошел Тимур Горелов, стажер из группы Зорина. В руках у него была тонкая папка и пластиковая карта-пропуск.

— Лидия Андреевна, — сказал он и сглотнул. — Майор просил передать.

— Что в папке?

— Копия протокола об изъятии блокнота. С пометкой о вашем заявлении в прокуратуру. И пропуск на выход в пределах квартала, с отметкой вахтера.

Я взяла папку, не прикасаясь к пропуску.

— Передайте майору, что пропуск я возьму после того, как увижу подпись прокурора на разрешении выхода.

Горелов моргнул.

— Там есть подпись.

— Где именно?

Он показал нижний левый угол. Я поднесла папку к окну. Подпись стояла, но фамилия прокурора была написана не его рукой. Я знала почерк прокурора по предыдущим экспертизам. Это была копия.

— Кто подписал? — спросила я.

— Я не знаю, — выдохнул Горелов.

Я положила папку на стол.

— Передайте майору, что я жду его лично.

Горелов ушел, забыв пропуск на тумбочке. Я подняла его, повертела в пальцах. Пластик был гладкий, без царапин. Значит, его никто до меня не носил.

Через двадцать минут в дверь постучали снова. На этот раз сильнее. Я не ответила. Дверь открылась ключом с обратной стороны. Зорин вошел без пиджака, в серой рубашке с закатанными рукавами.

— Лидия Андреевна, Горелов сказал, что вы не приняли пропуск.

— Я не приняла копию подписи прокурора. Передайте оригинал.

Он молча достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист.

— Он здесь. Я не хотел показывать Горелову.

Я взяла лист, развернула. Подпись прокурора была настоящая, с расшифровкой и датой. Я положила лист на стол рядом с пропуском.

— Хорошо, — сказала я. — Теперь садитесь. У меня к вам три вопроса.

Он сел. Я открыла блокнот на двадцать третьей строке.

— Первый. Бенефициар по этому IP. Вы знаете, кто это.

Зорин посмотрел на строку и не отвел глаз.

— Да, — ответил он.

— Второй. Вы доложите прокурору сегодня.

— Да.

— Третий. Вы не будете допрашивать его у меня за спиной.

Он помолчал.

— Допрос будет официальный, с адвокатом и протоколом.

— Я знаю. Я хочу присутствовать.

— Это не положено.

— Это не положено свидетелю. Я не свидетель. Я пострадавшая от схемы, в которой он бенефициар.

Зорин закрыл глаза на секунду и открыл.

— Я подам ходатайство прокурору, — сказал он.

— Подайте сейчас.

Он достал телефон, набрал номер прокурора и при мне продиктовал текст ходатайства о допуске меня в качестве пострадавшей на допрос. Прокурор ответил коротко. Зорин убрал телефон.

— Допустят, — сказал он.

Я перевернула страницу блокнота и подвинула к нему.

— Двадцать девятая строка. Платеж на счет, открытый за неделю до увольнения моего мужа. Я хочу, чтобы этот счет попал в банковский запрос.

Зорин взял карандаш и подчеркнул строку.

— Я подпишу запрос сегодня.

— Через прокурора.

— Через прокурора.

В коридоре хлопнула дверь, и Нина Ермакова крикнула, что завтрак через десять минут. Зорин посмотрел на часы.

— Вам нужно поесть, — сказал он.

— Сначала вы, — ответила я.

Он посмотрел на меня, и я впервые увидела в его взгляде ту короткую тень удивления, которая появляется у мужчины, когда женщина впервые ставит его в очередь.

— Хорошо, — сказал он и встал.

Когда он вышел, я придвинула к себе пропуск и подняла его к свету. Пластик был гладкий, без царапин. Я положила его в карман.

Глава 5. Чужая квартира

Я поставила саквояж на узкую койку в ведомственном общежитии и первым делом проверила замок. Бронзовая накладка была новой, тугой, пахла машинным маслом и чужим металлом. Это была не моя дверь, и все же мне придется спать за ней несколько ночей подряд.

На кухонном столе я разложила три тетради, калькулятор и квитанцию об изъятии диска. Тетрадей у меня всегда три: черновая, рабочая и та, в которую я не пишу ничего лишнего. Сейчас мне нужна была только вторая, с восстановленными двадцатью девятью строками квартальной схемы. Я подчеркнула двадцать третью и двадцать девятую жирной чертой, проверила каждую цифру против памяти и отложила ручку.

В коридоре пахло хлоркой и чужим табаком, из-за стены доносилось бормотание телевизора. Это была цена моей новой безопасности: чужие запахи, чужие привычки, чужие тени за стенами. Я подошла к окну и задернула штору, оставив щель для света.

Ключ от серверной я сняла с шеи и положила под подушку. Тяжелая железная болванка холодила кожу даже через ткань. Это был не сувенир, а единственная вещь, которая доказывала, что я когда-то имела доступ к цифрам. Без него я была просто перепуганной женщиной в чужой комнате.

В дверь постучали. Я не сразу встала. Стук был негромким, осторожным, кулаком, а не ключами. Нина Ермакова, соседка по этажу и бывший оперативный дежурный, просунула голову в щель с чайником в руке.

— Лидия Юрьевна, я вам чай несусь. Не откажетесь?

Я отказалась мысленно, но кивнула, потому что отказывать пожилой женщине с такой аккуратной прической было бы трусостью. Нина вошла, поставила чайник на подоконник и оглядела комнату привычным взглядом человека, который всю жизнь считал чужие вещи на чужих столах.

— Зорин сказал, вы будете работать. Я тетрадку вам принесла, новую, в клетку. Свою дописала.

Она положила на стол толстую тетрадь в зеленой обложке и прижала угол пальцем. Это был подарок, и одновременно отметка: Нина знала, что я буду писать, и хотела, чтобы мои записи были ровными, читаемыми, готовыми к передаче. В этом была вся ее профессия.

— Спасибо, — сказала я. — Если что услышите в коридоре после десяти, не пугайтесь.

Нина кивнула и ушла, а я осталась одна. На столе лежала записка Кравцова, исписанная мелким почерком с логотипом Меркурий-Групп, и подпись «Р.». Я разглядела ее ладонью, перечитала дважды, потом сложила вчетверо и спрятала между страницами рабочей тетради, где никто не стал бы искать.

Телефон на тумбочке мигнул. Сообщение без номера: «Не верьте Зорину. Он знал, что вас перевезут.» Я стерла его, не дочитав до конца, и положила телефон экраном вниз. Если это правда, я узнаю об этом по делам, а не по анонимным угрозам. Если ложь, она сторит сама.

В коридоре раздались шаги и стук ключей по моей двери. Артем Зорин вошел без стука, в серой куртке, без галстука, с папкой подмышкой.

— Я подал ходатайство прокурору. Вас допустят на допрос бенефициара по двадцать третьей строке. Не как свидетеля, как пострадавшую.

Я посмотрела на него поверх тетради.

— Артем Юрьевич, я не просила пострадавшую. Я просила, чтобы мне не врал. Это разные вещи.

Он сел напротив, положил папку на край стола и впервые посмотрел мне в глаза без обычной служебной дистанции.

— Я не вру, — сказал он. — Я просто не все говорю.

— Это и есть вранье, Артем Юрьевич. Только в форме вежливости.

Мы замолчали. За стеной снова забормотал телевизор, в коридоре хлопнула дверь. Я положила ручку параллельно тетради, показывая, что разговор окончен.

— Чай будете? — спросила я.

Он покачал головой и встал.

— Завтра в десять я пришлю за вами машину. Будьте готовы.

Я кивнула. Дверь за ним закрылась, и я впервые за два дня почувствовала, что комната принадлежит мне. Временная, чужая, под чужим режимом, но моя. Я открыла новую зеленую тетрадь, написала на первой странице: «Вопросы, которые я имею право задать», и подчеркнула заголовок дважды. Это был мой кабинет. Маленький, не мой, на время. Но мой.

Ключ под подушкой холодил висок через ткань, и я слышала, как он стучит о пружину при каждом вдохе. Это было правильно: чужой металл, чужая кровать, чужой режим. Я села за стол и открыла зеленую тетрадь на странице с заголовком.

Первым пунктом я записала имя Раисы Карташовой. Вторым — дату, когда она закрыла на ключ собственный кабинет в полночь. Третьим — слово «серое пальто», потому что на камере было серое, а у меня черное. Под третьим пунктом я провела черту и дописала: «узнать у охранника, кто снимал дубликат ключа». Это была работа, которую я умела делать руками: задавать вопросы, на которые неудобно отвечать.

В дверь снова постучали, на этот раз тише, почти нерешительно. Я накрыла тетрадь газетой, которую принесла с собой в саквояже, и сказала:

— Открыто.

Вошел Сергей Лыков, дворник и вахтер в одном лице. Он был невысоким, с красными от холодной воды руками и лицом человека, который всю жизнь чинил трубы, а теперь вынужден чинить безопасность вокруг женщины, которую видел впервые. В руках у него была эмалированная кружка с отбитым краем и кусок хлеба на салфетке.

— Лидия Юрьевна, это вам. Не побрезгуйте.

Я взяла кружку. В ней был горячий чай, не крепкий, с каплей молока. От хлеба пахло подсолнечным маслом и чужим домом.

— Спасибо, Сергей. Вы давно здесь работаете?

— Двенадцать лет, — он переступил с ноги на ногу. — Тут раньше жили стажеры, а теперь вот вы.

Это была вся его биография, и я ее приняла. Я отпила чай, и он кивнул, словно я выполнила какой-то ритуал, о котором мы оба знали.

— Сергей, — сказала я, — журнал посещений ведется?

— Конечно. С утра до ночи.

— Мне нужен вчерашний день и сегодняшняя ночь. И имена тех, кто заходил в подъезд, когда отключили электричество.

Он посмотрел на меня долго, потом кивнул.

— Принесу.

Дверь закрылась, и я осталась одна с газетой, хлебом и списком вопросов. Я сняла газету, дописала четвертый пункт: «узнать, кто отключал свет в подъезде». Под ним поставила вопрос: «зачем?». Ответ напрашивался самый простой: чтобы лифт встал между этажами. Чтобы человек, который ехал со мной, мог дожидаться темноты.

Это была цена моего нового статуса: я не подозреваемая и не гостья, я защищенный свидетель в клетке, где каждая дверь открывается чужим ключом и каждое отключение света может быть планом.

Шаги в коридоре я узнала раньше, чем дверь открылась. Артем Зорин вошел без куртки, в одной рубашке с закатанными рукавами. Он посмотрел на тетрадь под газетой, на кружку с отбитым краем, на меня и не сказал ничего.

— Я подал ходатайство, — начал он снова. — Прокурор согласен.

Я кивнула.

— Спасибо. Теперь у меня к вам три вопроса, Артем Юрьевич. Первый: кто такой бенефициар по двадцать третьей строке. Второй: почему вы знаете его имя и не говорите мне. Третий: кто из ваших людей узнает о наших встречах раньше, чем я выхожу из этой комнаты.

Он сел на стул напротив, положил руки на стол ладонями вниз.

— Бенефициар по двадцать третьей строке — Игорь Хвостов, бывший вице-губернатор. Я не говорил, потому что ждал санкции прокурора на его задержание. Она пришла час назад.

Это был первый раз, когда он сказал мне имя, которое я уже знала по слухам в коридоре. И первый раз, когда он сложил руки на столе как человек, который пришел не командовать, а объяснять.

— Третий вопрос, — продолжил он тише. — Я думаю, это Тимур. Я не уверен, но я думаю. Я сегодня отстраню его от ваших материалов.

Я посмотрела ему в глаза и впервые увидела там не дистанцию, а усталость человека, который сам не верит своим людям.

— Тогда запишите это в тетрадь, — сказала я. — Я хочу видеть дату и подпись.

Он взял ручку, которую я ему протянула, и написал в моей рабочей тетради: «12.04, Зорин А.Ю., отстраняю Горелова Т. от материалов В.» Я прочитала и кивнула.

— Это не доверие, — сказала я. — Это протокол. Но для начала сойдет.

Он впервые за два дня чуть заметно улыбнулся, и я поняла, что эта комната, чужая и временная, только что стала моим кабинетом.

Я сидела за столом и не двигалась, пока шаги Зорина не стихли за дверью. Потом встала, задвинула стул, открыла верхний ящик комода и достала оттуда свой саквояж. Внутри лежали тетради, калькулятор, ключ от серверной на шнурке и маленький блокнот с телефонами, который я всегда носила с собой. Я выложила все на стол, разложила по левому краю, как в своем кабинете на работе, и только тогда почувствовала, что руки перестали дрожать.

Это был мой ритуал: разложить предметы так, чтобы между ними можно было работать. Саквояж справа, тетради слева, калькулятор в центре. Я открыла рабочую тетрадь на странице с двадцать девятой строкой, где у меня лежала копия счета, открытого за неделю до увольнения моего бывшего мужа. Я перечитала каждую цифру, не для того чтобы запомнить, а для того чтобы убедиться: память не подвела. Под строкой я подвела черту и дописала: «запросить выписку по контрагенту через прокурора, не через отдел».

В дверь постучали. Я накрыла тетрадь газетой, но это был Сергей Лыков с журналом посещений подмышкой и второй кружкой чая.

— Лидия Юрьевна, я подумал, что одной кружки на вечер мало.

Я взяла журнал. Тетрадь была обычная, в клетку, с надписью «апрель» от руки. Сергей вел ее аккуратно, как вел всю жизнь трубу: ровно, без лишних слов.

— Спасибо. Я верну до утра.

— Не торопитесь, — сказал он и вышел.

Я открыла журнал на вчерашнем дне. Листала медленно. В четыре утра запись: «04:07, Кравцов А., подъезд, ушел пешком в сторону Лиговского». В пять утра: «05:12, Зорин А.Ю., служебная, уехал в отдел». В шесть утра: «06:23, Зорин А.Ю., вернулся, блокнот подмышкой». Я перечитала последнюю строчку дважды. Блокнот подмышкой. Мой блокнот. Я отложила журнал и впервые за вечер почувствовала, что у меня в груди что-то сжалось сильнее, чем от холода ключа под подушкой.

Я допила чай, вымыла кружку в общем коридоре, вернулась и заперла дверь на оборот. Сняла пиджак Зорина со спинки стула, повесила на крючок у двери. Пальто пахло его одеколоном и бумагой отдела. Я расправила воротник и оставила висеть: это была его собственность, и я не имела права решать, что с ней делать.

Потом я села, открыла чистую страницу и написала: «Журнал вахтера за 11-12.04. Запись 06:23. Блокнот В. подмышкой у Зорина. Вопрос: куда он его выносил и что с ним делал». Под вопросом я подчеркнула слово «куда» и поставила вопросительный знак дважды.

Шаги в коридоре я узнала раньше, чем раздался стук. Артем Зорин вошел без стука, уже в куртке, собранный. В руках у него был тонкий пластиковый файл.

— Я подписал у прокурора запрос по двадцать девятой строке, — сказал он, не здороваясь. — Счет открыт за неделю до увольнения вашего мужа. Банк даст выписку завтра к обеду. Я кивнула.

— Спасибо. Сядьте, пожалуйста.

Он сел, и я увидела, что у него под глазами тени, каких не было утром.

— Артем Юрьевич, — сказала я, — в шесть двадцать три вы вынесли из общежития мой блокнот. Зачем?

Он посмотрел на меня так, будто я ударила его по лицу.

— Я не выносил.

— В журнале вахтера записано.

Он закрыл глаза на секунду, и я впервые увидела, как он считает до трех.

— Я отвозил копию ходатайства прокурору. Блокнот был мой, не ваш.

— Тогда почему вахтер написал «блокнот В.»?

— Потому что Сергей увидел, как я держу его подмышкой, и решил, что это ваш. Я не стал его поправлять. Это был мой блокнот, Лидия Юрьевна. Я ношу его три года. В нем мои рабочие записи по другим делам.

Я молча достала его блокнот из-под газеты и положила на стол. Тетрадь была синяя, с засаленной обложкой, явно мужская. Я никогда не держала ее в руках.

— Тогда извините.

— Не за что, — сказал он тихо. — Я бы на вашем месте тоже проверял.

Мы сидели молча, и я слышала, как за стеной у соседки тикают часы. Потом он встал, надел куртку и посмотрел на меня сверху вниз.

— Завтра в десять. Машина будет у подъезда. Пропуск я оставлю вахтеру.

— Артем Юрьевич, — сказала я, не поднимая глаз. — Пиджак ваш висит у двери. Не забудьте.

Он остановился, посмотрел на пиджак, снял его с крючка и перекинул через руку.

— Спасибо, — сказал он. — За чай и за вопрос.

Дверь закрылась, и я осталась одна. Я подошла к окну и увидела внизу его машину: тонированную, с мигалкой на крыше. Он сел, не оглядываясь, и машина тронулась. Я стояла и смотрела ей вслед, пока красные огни не исчезли за поворотом.

Потом вернулась к столу, открыла тетрадь и дописала под последним вопросом: «проверено. Блокнот его. Ошибка вахтера. Но вахтер не ошибся бы, если бы блокнот был подписан». Под словами я подвела черту, закрыла тетрадь и положила руку поверх нее. Это была цена моего нового статуса: я доверяла только тому, что можно было подержать в руках и проверить.

Телефон на столе коротко пиликнул. Сообщение от Нины Ермаковой: «Лидя, я узнала у нашей кастелянши, как подключить стационарный телефон в вашей комнате. Мастер придет утром. Если нужно раньше — скажи». Я набрала ответ одним пальцем: «Спасибо, утром подойдет». Телефон был изъят под протокол, и стационарный стал моей единственной нитью наружу, кроме служебного ноутбука отдела. Я подвинула блокнот с телефонами поближе к лампе и вписала в него номер кастелянши.

В коридоре зашуршало. Я выключила свет и прислушалась. Шаги были легкие, незнакомые, явно не Сергей и не Зорин. Они замерли у моей двери. Я не двигалась, дышала ровно, считая удары сердца. Через минуту шаги ушли в сторону лестницы. Я подождала еще две минуты,

потом подошла к двери, приоткрыла и выглянула в коридор. Никого. Только запах чужого парфюма — резкого, сладкого, как в магазине, — осел у порога.

Я закрыла дверь и села на кровать, не снимая рук с колен. Вспомнила, как в офисе у лифта Раиса Карташова на секунду задержала на мне взгляд, когда я доставала из сумки распечатку. Тот же парфюм. Я открыла тетрадь, дописала: «коридор 3 этажа, шаги у двери, парфюм Раисы?» — и подчеркнула.

Стук в дверь раздался дважды, коротко и сухо. Зорин всегда стучал так, будто считал до трех, прежде чем открыть.

— Открыто, — сказала я.

Он вошел без куртки, в одной рубашке с закатанными рукавами, и сразу увидел, что я не легла.

— Почему не спите?

— Не могу, — сказала я. — Под моей дверью кто-то ходил. Минуту назад. Парфюм резкий, похож на офисный.

Он нахмурился, достал телефон и набрал вахтера.

— Сергей, поднимись на третий. У двери Лидии Юрьевны кто-то стоял. Посмотри записи камер на лестнице. — Он послушал, кивнул. — Жду.

— Артем Юрьевич, — сказала я. — Записка. Я вам ее не отдавала и не отдам. Она в ящике комода. Если хотите — давайте я вам перепишу от руки под вашу расписку.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то неприличное.

— Зачем переписывать?

— Потому что оригинал должен остаться у меня. Если с ним что-то случится, у следствия будет только копия с моей подписью, а я не хочу подписывать то, что у меня забрали.

Он потер переносицу.

— Хорошо. Давайте я пришлю завтра с курьером протокол осмотра, вы перепишете при понятых, оригинал останется в описи дела, у вас — заверенная копия.

— Нет, — сказала я. — Оригинал у меня. Заверенная копия у вас. Расписка в обмен.

— Лидия Юрьевна...

— Артем Юрьевич, я сижу в чужой комнате под вашей охраной. У меня нет ни права, ни статуса, ни имени. Единственное, что у меня есть, — это бумага, которую я могу подержать в руках. Я ее не отдам.

Он замолчал. В коридоре слышались тяжелые шаги Сергея. Зорин открыл дверь, вахтер заглянул, кивнул.

— На камере чужая женщина, в сером плаще, прошла к лестнице в два тридцать две. Лицо не поворачивала. Запись сохранил.

Зорин поблагодарил его, закрыл дверь и посмотрел на меня.

— Раиса Карташова, — сказала я. — У нее серое пальто, и я только что вспомнила этот запах.

— Я проверю, — сказал он коротко. — А вы ложитесь.

Я проснулась от того, что в комнате пахло чужим мылом. Не хозяйственным, а каким-то импортным, с нотами мандарина и чего-то древесного, как будто кто-то вошел и сразу вышел, но успел оставить след. Часы на тумбочке показывали 06:48. Телефон под подушкой лежал холодный, и я вспомнила, что он изъят. Стационарный на столе молчал.

Я подошла к двери, прислушалась. В коридоре было тихо, только в дальнем конце кто-то негромко выяснял отношения насчет горячей воды. Замок я открыла медленно, стараясь не щелкнуть, и выглянула. На полу у порога лежал маленький ламинированный прямоугольник, белый, с голубой полосой. Пропуск. Тот самый, который я вчера отказалась взять, потому что подпись прокурора на копии была подделана.

Я нагнулась, подняла его двумя пальцами и вернулась в комнату. На карточке было мое имя, фотография, которой я никогда не видела, номер комнаты и подпись. Подпись была настоящая. Я узнала ее по наклону второй буквы, которую прокурор всегда выводил чуть выше строки. Зорин вчера предъявлял мне оригинал, я запомнила. Значит, кто-то забрал подделку и положил настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.